

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

«МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ»¹

Установилось довольно твердое представление о хронологических пределах времени, когда Пушкин писал политические эпиграммы.

Они приурочиваются к послелицейским годам жизни поэта, ко времени его участия в «Зеленой лампе», филиале одной из ранних декабристских организаций (Союза благоденствия). Пресеченная в 1820 году ссылкой поэта, политическая тенденция вспыхивает будто бы изредка в отдельных стихотворениях Пушкина. Однако выступления эти единичны.

Если об этом прямо нигде не сказано, то оно читается между строк во всех биографиях поэта, во всех монографических трудах о нем.

Многолетнее изучение лирики Пушкина побуждает меня пересмотреть эту традиционную точку зрения.

I.

Одно из сильнейших по напряженному чувству и по энергии выражения стихотворений Пушкина, может быть, самые

---

¹ Прочтено в качестве доклада на седьмой Всесоюзной Пушкинской конференции в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в июне 1955 года (см. заметку Е. М. Хмелевской «Всесоюзные Пушкинские конференции» в сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.—Л., 1956, стр. 476). Вторично доложено на Пушкинской конференции в Одессе в мае 1959 года.

гневные строки, написанные поэтом за всю его жизнь, еще не разъяснены²:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
< >
< >
< >
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господя!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!³

Кое-что об этом стихотворении нам известно. Мы знаем, что Пушкин его не печатал, но что оно ходило по рукам. Современники поэта списывали его или записывали по памяти. Отсюда искажения в тексте.

Из копий современников поэта нам известны всего три, но все они чем-нибудь примечательны.

Копия близкого приятеля юности Пушкина, адресата нескольких стихотворений поэта, члена Союза благоденствия Каверина, датирована: «1 августа 825. Калуга»⁴; тем самым она ограничивает датировку создания стихов.

² Не говорю уже о дореволюционном пушкинисте П. О. Морозове, который писал: «По своему содержанию и тону это стихотворение представляется довольно загадочным» — и заканчивал свое примечание к стихотворению скептическим замечанием: «если вообще допустить его принадлежность нашему поэту» (Сочинения Пушкина. Под ред. С. А. Венгерова, т. V, 1911, стр. LXV); но большинство и современных комментаторов и исследователей Пушкина ограничивается краткими справками о печатании стихотворения, а иные освобождают себя и от всякого упоминания о нем.

* Пустые строчки в угловых скобках обозначают утраченные стихи.

³ Пушкин. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах, т. II, кн. I. Изд-во АН СССР, 1947, стр. 458.

Все дальнейшие ссылки на собрание сочинений Пушкина приводятся по этому изданию, тт. I—XVI, 1937—1949.

⁴ Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913, стр. 119. Как попал текст в августе 1825 года к Каверину, с которым Пушкин потерял связь с момента своей ссылки? Вероятнее всего, Пущин и Дельвиг, приезжавшие в начале этого года к Пушкину в ссылку в Михайловское, увозили с собой в Петербург стихи поэта, как делал это и брат Пушкина, Лев Сергеевич. Они, видимо, распространяли списки, один из которых дошел до нас. (Оговорюсь, что архив Каверина, опубликованный в 1913 году, в наше время известен только по книге Щербачева).

Интереснейший случай с неожиданными выводами представляет собою копия, сделанная в Петербурге ссыльным грузинским царевичем Теймуразом. Текст стихов Пушкина записан грузинскими буквами. Это — запись для себя; царевич переводил Пушкина на свой язык⁵.

Поэтом Теймураз был небольшим, переводы его приблизительны, да и обороты русской речи не всегда были ясны грузину. Так, он сопровождает выражение *медный лоб* самым неожиданным толкованием: «У кого медный лоб, тот, вероятно, низко кланяется, ибо у него голова перевешивает».

И наряду с этим изучение копии Теймураза обогатило текст стихотворения и не только ценными вариантами известных уже строк, а и тем, что в записи Теймураза оказался один из недооцененных стихов:

Мир вам, журнальные клеветы⁶, —

благодаря которому стихотворение перестало «хромать» — это был парный стих к стиху

Мир вам, смиренные поэты.

Как увидим, новая строка, сохранившаяся в грузинской транскрипции, дает основание для датировки стихотворения и оказывается поводом для выявления и осмысления незамеченной струи в творчестве Пушкина.

II.

Стихотворению «О муза пламенной сатиры!..», опубликованному более ста лет назад (в 1856 году Герценом) была посвящена только одна статья — студенческая работа С. М. Бонди⁷ (1914). «Обратив внимание на порядок чередования

---

⁵ Вслед за текстом стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» в тетради находятся два перевода этого стихотворения на грузинский язык, сделанные двумя поэтами — вероятно, самим Теймуразом и, быть может, известным поэтом Соломоном Размадзе.

Таким образом, «О муза пламенной сатиры!..» — одно из первых стихотворений Пушкина, зазвучавших на грузинском языке. Это тоже необыкновенно, ибо это всего лишь второй известный нам случай перевода на чужой язык при жизни Пушкина его неопубликованного произведения (первый случай — перевод в прозе на французский язык и опубликование в Париже и в Брюсселе в 1827 году нелегального в России «Кинжала» Пушкина — в книге Ж. Ф. Ансло «Six mois en Russie»). Любопытно и то, что грузинские переводы стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» на многие десятилетия опередили переводы этого произведения на другие языки.

⁶ См. К. Дондуа. Пушкин в грузинской литературе. Сб. «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, стр. 202—204.

⁷ С. Бонди. Три заметки о Пушкине. III. «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова». М.—Пг., ГИЗ, 1922, стр. 47—49.

рифм в отрывке», автор показывает, что он написан онегинской строфой. Он устанавливает, что отрывок входил в текст «Евгения Онегина» и «является по-видимому фрагментом первоначального замысла романа, как сатирического произведения».

С. М. Бонди приводит признания Пушкина из его писем: «Я на досуге пишу новую поэму, *Евгений Онегин*, где захлебываюсь желчью»⁸; Н. Раевский «ожидал от меня романтизма (речь идет об «Евгении Онегине». — Т. Ц.), нашел сатиру и цинизм...»⁹.

Напоминает исследователь и строки в предисловии к первой главе романа: «Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов».

«Несмотря на последнее заявление, — писал С. М. Бонди, — в план «Евгения Онегина» входили не только «шуточное описание нравов», но и «оскорбительные личности»; — ср., например, в письме к брату в апреле 1825 г., «Толстой (Ф. И. — «американец») явится у меня во всем блеске в 4-й песни Онегина, если его пасквиль того стоит»; также в письме к И. Е. Великопольскому (март—апрель 1828 г.): «Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8 главу Онегина». Следami этой «сатирической» стихии в «Евгении Онегине» является описание петербургского света в восьмой главе (строфы XXIV—XXVI), сильно смягченное в печатной редакции, сравнительно с черновиками».

«К одному из подобных мест (возможно, что и не осуществленному, а только задуманному), — заканчивает С. М. Бонди свою статью, — и должен быть отнесен наш отрывок, и время его сочинения, следовательно, — промежуток между 1823 г., когда был начат «Евгений Онегин», и 1825 г. — когда эти стихи были записаны в Каверинской тетради»¹⁰.

В Академическом издании эти границы на основании приведенных соображений выражены так: «Датируется маем 1823 — первой половиной 1825 г.»¹¹.

Есть и более поздние сведения об этом стихотворении. Приятель Пушкина Соболевский посылает молодому библиографу М. Н. Лонгинову текст стихов «О муза пламенной сатиры...».

⁸ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года, стр. 80.

⁹ Там же. Письмо брату от середины января — начала февраля 1824 года, стр. 87.

¹⁰ До статьи С. М. Бонди отрывок датировался 1830 годом.

¹¹ Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1178.

Он сопровождает стихи заметкой: «Эти стихи мы припомним с Эрстовым»¹².

В конце же письма Соболевский делает знаменательную приписку: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие»¹³. Заметка эта, опубликованная более тридцати лет назад, до сих пор не осмыслена. Комментаторы приводят ее иногда, но безо всяких разъяснений.

Между тем остается непонятным, быть может, самое существенное в стихотворении — на кого же хочет поэт поднять «Ювеналов бич», что побуждает его перейти на путь сатирической поэзии?

Не в первый раз приходится Пушкину вдохновляться Ювеналом: в известном лицейском стихотворении «Лицинию» (1815), доставившем ему признание в семье, в России, а позднее и за рубежом, поэт точно так же пишет:

Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом.

Однако этому стихотворению Пушкина с его концовкой, разящей самое страшное зло русской действительности его времени, —

Свободой Рим возрос, а рабством погублен
— далеко до того накала гнева, который мы ощущаем, читая стихотворение «О муза пламенной сатиры!..».

Начало этого стихотворения вызывает в памяти другие знаменитые строки, в которых поэт с твердой решительностью порывал со своей любовной лирикой ради иного, несравнимо важнейшего дела:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? —
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

¹² Кн. Дм. Ал. Эрстов, лицеист второго выпуска, знакомый с Пушкиным, друживший и с другими товарищами поэта — М. Л. Яковлевым, А. А. Дельвигом, сам пописывал бойкие куплеты; впоследствии был писателем. Не от князя ли Эрстова, тоже грузина древнего аристократического рода, человека той же среды, что и грузинский царевич, имел текст последний? А Эрстов мог иметь стихи Пушкина от Дельвига. Бесспорные достоинства текста Теймураза с очевидностью объясняются в таком случае авторитетностью его источника.

¹³ М. Д. Беляев. Соболевский о Пушкине (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым). «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, стр. 45.

Замечание М. Д. Беляева в предисловии к публикации, что «теперь... отпадает версия С. М. Бонди, согласно которой они (стихи «О муза пламенной сатиры!..») являются одною из строф Онегина», конечно, ошибочно. Стихи, безусловно, вышли из «Евгения Онегина», и умолчание приятеля Пушкина об этом неизвестном ему обстоятельстве не противоречит бесспорному наблюдению литературоведа.

Но если в первой же строфе «Вольности» (1817) слова:

Хочу . . . . .
На тронах поразить порок —

не оставляют места для сомнений, на борьбу с кем призывается гордая певица Свободы, то стихотворение «О муза пламенной сатиры!..» является еще не разгаданной загадкой.

Над кем же заносит Пушкин ювеналов бич?

III.

Великие поэты владеют даром находить для выражения своих чувств и мыслей такие обобщающие и вечные слова, что за ними не угадывается что-то конкретное, живое, злободневное.

Непосредственное воздействие поэзии, магия искусства усыпляет пытливость мысли исследователя. И он проходит мимо величайшего волнения поэта, не задумываясь над той трепетной жизнью, которая таится в этих с детства знакомых, нерушимых, совершенных, музыкальных созвучиях слов.

Вплотную подошел к разбираемому стихотворению, понял его дух, характер и направленность анонимный автор заметки «Эпиграммы политические» в «Путеводителе по Пушкину»¹⁴, Г. Лелевич.

Вот что мы читаем в этой содержательной заметке: «В программном стихотворении «О муза пламенной сатиры!..» поэт отождествляет «Ювеналов бич» гражданского обличения и «язву эпиграмм» и готовит свои удары «не подражателям холодным, не переводчикам голодным, не беззащитным рифмачам», то есть не литературным противникам, а «ребятам-подлецам». Каких же «подлецов» и за какие грехи бичевал Пушкин в политических эпиграммах? Объектами этих ударов были: клерикальная реакция и ханжество, лживость правительственного «либерализма», культ казарменной муштры и шагистики, наконец, личная бездарность царя и его опричников. Южный сатрап Воронцов («На гр. М. С. Воронцова», «Сказали раз царю»), певец самодержавия и крепостничества историк Карамзин («На Н. М. Карамзина»), вождь мистической реакции и душитель науки Голицын («На кн. А. Н. Голицына»), его достойный помощник Стурдза («На Стурдзу» и «На А. С. Стурдзу»), изувер Фотий («На Фотия», «Гр. А. А. Орловой-Чесменской», «Разговор Фотия с гр. Орловой»), всемогущий палач Аракчеев («На гр. А. А. Аракчеева»), наконец, Александр I, которому Пушкин, по собственно-

¹⁴ См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Т. VI. Путеводитель по Пушкину. Приложение к ж. «Красная Нива» на 1931 год. М.—Л., 1931, стр. 389.

му признанию, «подсвистывал до самого гроба» (письмо к Жуковскому), — таковы были объекты политических эпиграмм Пушкина. Все это — как раз главари воинствующего крепостничества, ненавистные авангарду обуржуазившегося среднего дворянства, будущим декабристам».

Автор заметки совершенно прав, считая стихотворение «О муза пламенной сатиры!..» программным¹⁵, прав он и в том, что Пушкин готовит свои удары не литературным противникам, а «ребятам-подлецам».

Ниже Г. Лелевич рассматривает объекты ударов Пушкина в его политических эпиграммах, оставляя стихотворение «О муза пламенной сатиры!..» в стороне, считая его, очевидно, обобщающим. Именно такая точка зрения подсказывается словами:

*О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!*

(Курсив мой. — Т. Ц.)

А если так, то оно адресовано ко всем лицам, заслуживающим эпиграмм Пушкина.

Но ведь было время, когда стихотворение входило в «Евгения Онегина», — тогда как? Тогда, может быть, оно тоже предшествовало каким-то неизвестным нам бичующим строфам? Или в строфах, отколовшихся от романа, Пушкин призывал музу «пламенной сатиры» для своего творчества вне романа? Строфы эти могли быть в числе лирических отступлений поэта и могли не иметь разгадки и в тексте «Онегина».

С. М. Бонди думал найти определенное указание на то, к кому относится сатира, в недостающих стихах, которые, по его предположению, должны были иметь место между стихами

А вы, ребята, подлецы
и
Вперед!
и т. д.

¹⁵ Определение стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» как «программного» приняли и авторы статьи о Пушкине в VI томе «Истории русской литературы». Однако они ничего не сделали для разрешения вопроса об этом стихотворении. Цитирую: «Мотивы скептицизма, отразившиеся в стихах Пушкина 1823—1824 годов («Свободы сеятель пустынный», «Недвижный страж дремал» и др.), в этот период преодолеваются новым, более зрелым этапом пушкинского мышления. В программном стихотворении «О муза пламенной сатиры!..» он вновь провозглашает принцип поэзии боевой, сатирической и агитационной» (только принцип? — Т. Ц.). История русской литературы, т. VI (Литература 1820—1830-х годов). Ред. коллегия тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (ответственный редактор). М.—Л., 1953, стр. 224.

Однако найденный впоследствии (в грузинской транскрипции) стих

Мир вам, журнальные клеветы, —

дающий рифму к стиху

Мир вам, несчастные поэты, —

заставляет по смыслу текста поместить его выше стихов

Мир вам, смиренные глупцы!

А вы, ребята подлецы...

Тем самым, оба последних стиха, по ходу рифмовки онегинской строфы, оказываются смежными, заключающими строфу. Таким образом, недостает двух других стихов онегинской строфы, стихов 10-го и 11-го со смежной мужской рифмой.

Они должны были, как теперь становится очевидным, увеличить список тех литературных противников, которых Пушкин успокаивает, что не им готовит он язвы эпитаграм *. Поэтому для разрешения вопроса, кто были главные враги Пушкина, — стихи 10-й и 11-й, даже если они когда-нибудь обнаружатся, не сыграют никакой роли.

Иначе говоря, выясняется, что в стихотворении нет смысловой лакуны, а есть художественно задуманная недоговоренность.

Итак, для выяснения «подлецов» стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» надо искать иные пути.

Вспомним еще раз те уничтожающие слова, ту беспощадную угрозу, с которой обращается Пушкин к неизвестным нам противникам:

А вы, ребята-подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь ** буду
Я мучить казнию стыда!

Вслушаемся в интонацию стихов:

О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

За этими «неясными» «стихами», бесспорно, кроется точный адрес тех «подлецов», которых поэт готовится клеймить. Стихи, преисполненные такой страстности, мощи, энергии и беспредельной ярости, не могут быть безличны, — это непосредственный отклик на какие-то взволновавшие поэта живые события.

Мы видим тут хорошо знакомую нам картину бешеного гнева Пушкина, который, как шквал, налетал на поэта и увлекал его в моменты особенно острых коллизий его бурной и сложной жизни.

* Допустима мысль, что при отделении текста от «Евгения Онегина» Пушкин сам нарушил строфу, вычеркнув стихи 10-й и 11-й.

** Сволочь — в значении «сброд».

IV.

Попробуем подойти к разгадке. В первую очередь обратим внимание на выражение «журнальные клеветы» в 12-м стихе. Это чуждое пушкинскому языку выражение является цитатой. То было крылатое слово, которым перебрасывались представители романтического направления в поэзии и приверженцы архаистической школы (классики) в шумной полемике по поводу «Бахчисарайского фонтана».

Впервые это выражение употребил Вяземский в своем анонимном предисловии к «Бахчисарайскому фонтану»¹⁶: «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны, или с Васильевского острова». Статья эта, написанная в форме сатирического диалога и высмеивающая врагов романтической поэзии, заканчивается следующими строками: «...пускай обвинители мои примут на себя труд перечитать все, что в некоторых из журналов наших было сказано и пересказано на счет романтических опытов, — и вообще на счет нового поколения поэзии нашей; если из всего того выключить грубые личности и пошлые насмешки, то без сомнения каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своим журнальным клеветам». Вяземский намекает тут безусловно на Каченовского, самого крупного из архаистов.

Обидное выражение было пущено и не могло остаться без ответа. И действительно, через две недели можно было прочесть в «Вестнике Европы» письмо в редакцию за подписью «Бывший журнальный Клевет». Слово получило ход и с тех пор утвердилось в журнальной литературе. «Лишь нам, оглашенным *журнальным клеветам*... все опасно!» — отшучивался аноним¹⁷.

В следующей статье Вяземского¹⁸ читатели вновь встретили выражение «журнальные клеветы» — в автоцитате его из предисловия к поэме Пушкина.

¹⁶ «Бахчисарайский фонтан» вышел в свет 10 марта 1824 года. Здесь и ниже даты выхода в свет книг и книжек журнала основываются на записях о дне выдачи Цензурой билета на выпуск отпечатанной книги. — Государственный Исторический Архив Московской области (ниже мы называем его ГИАМО), ф. 31 (Московского Цензурного Комитета), оп. 5, св. № 378, ед. хр. 13 («Книга для отпечатанных сочинений 1824 и 1825 годов»), л. 6. об.

¹⁷ «Вестник Европы», 1824, № 5, отдел «Особая переписка», стр. 76—78. Книжка вышла в свет в Москве 27 марта 1824 года (названный архивный документ ГИАМО, л. 7 об.).

¹⁸ Статья «О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке Вестника Европы второго и подложного разговора между Классиком и Издателем Бахчисарайского фонтана» была напечатана в «Дамском журнале», 1824, № 7. Увидев, что война пошла всерьез, Вяземский решил поднять забрало. Он раскрывает, что автором анонимного предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» является он сам и подписывает статью полной подписью «Князь Вяземский». Книжка со статьей, написанной в день выхода № 5 «Вестника Европы» (под текстом статьи имеется помета: «Москва. 27-го марта 1824 года»), вышла 14 апреля (названный архивный документ, л. 8 об.).

Но раздражение Вяземского этим не успокоилось, и он посылает в Петербург «раскаленную эпиграмму» против Михаила Дмитриева («лже-Дмитриева», как острил Пушкин), о котором начали говорить как об авторе большой статьи в «Вестнике Европы»; мимоходом задевает он и Каченовского:

Клеврет журнальный, Аноним,
Помощник презренный ничтожного бессилья...¹⁹

В ходе развернувшейся литературной войны Вяземский вновь пускает полюбившееся ему словцо: «В оном Разговоре (речь идет о предисловии Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану». — Т. Ц.) задраны слегка журнальные клеветы и некоторые прозаические поэты «Вестника Европы».

Дальше он разыгрывается уже как расшалившийся ребенок: «словесные *меньшие братья меньших братьев письменных, клеветы журнальных клеветов* говорят, что ответ мой не ответ»²⁰.

Ниже читаем: «Впрочем, как жертва, ныне приносимая мною, посвящается единственно журнальным клеветам, которые словом или делом участвовали в этой полемической сшибке...».

И в последний раз читаем мы в той же статье язвительное определение: «Второй Классик сознается, что новое стихотворение Пушкина *невольню привлекает его*. Сознание бесценное! Как в этом слове: *невольню*, вырвавшемся невольню из тайника сердечного, изменяет себе присяга, данная *Вторыми Классиками* и дюжинными их клеветами не признавать дарований отличных и воевать их единодушно!» и т. д.

На этом, однако, дело не кончилось.

«...мне ли, напуганному *клевету*, сметь хвалить себя?...», — возражал Вяземскому небезызвестный журналист и водевильщик Александр Писарев в «Вестнике Европы»²¹.

В следующей книжке «Дамского журнала» Вяземский заканчивал полемику следующими словами: «Сим заключаю возражения свои на прошедшие и будущие прения *журнальных клеветов*» (курсив мой. — Т. Ц.) и т. д.²².

¹⁹ См. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 10 апреля 1824 года. «Остафьевский архив», т. III. 1899, стр. 31.

²⁰ «Разбор Второго разговора, напечатанного в 7 № «Вестника Европы» за подписью «Князь Вяземский» и пометой: «Москва, 12 апреля 1824 г.» напечатан в «Дамском журнале», 1824, № 8, стр. 63—82. Книжка вышла 24 апреля 1824 года (названный архивный документ ГИАМО, л. 9).

²¹ «Еще разговор между двумя читателями «Вестника Европы». Подпись: «Александр Писарев», — «Вестник Европы», 1824, № 8, стр. 309. Книжка вышла 8 мая (названный архивный документ ГИАМО, л. 10 об.).

²² «Мое последнее слово». Подпись: «Князь Вяземский» и помета: «Москва. Апреля 23». «Дамский журнал», № 9, стр. 118. Книжка вышла 5 мая (названный архивный документ ГИАМО, л. 10 об.).

Спустя месяц Вяземский еще не мог успокоиться и досылал Тургеневу эпиграммы, в последнюю из которых опять вставил модное словечко:

Михаил Дмитриев! Теперь ты вовсе чист:
Клеврет твой — Писарев и Каченовский барин,
А похвалой своей тебе позорный лист
Скрепил Фаддей Булгарин²³.

Подводя итоги, скажем, что в полемике между романтиками и классиками, разгоревшейся вокруг предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», выражение «журнальный клевет» было боевым словом: им бросался Вяземский, его подхватывали, им заслонялись и отбивались Михаил Дмитриев, Писарев и аноним. Оно не сходило со страниц печати, украшало оно и письма в течение двух месяцев (с 10 марта по середине мая 1824 года).

V.

Пушкин не остался в стороне от полемики 1824 года. Его возмутила первая же статья в «Вестнике Европы», направленная против предисловия Вяземского²⁴. Ошибочно угадывая в анонимном авторе своего стародавнего врага, редактора журнала Каченовского²⁵, Пушкин тотчас же откликнулся на статью уничтожающей эпиграммой:

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки²⁶.

Однако печатать эпиграммы Пушкин в то время считал ниже своего достоинства. Пропустить же без ответа замечание анонима, бросающего тень на Вяземского, Пушкин, возводивший товарищескую дружбу в культ, не мог. И дав выход пер-

---

²³ Письмо Вяземского Тургеневу от 20 мая 1824 года. «Остафьевский архив», т. III, стр. 46.

²⁴ См. «Второй разговор между классиком и издателем «Бахчисарайского фонтана». — «Вестник Европы», 1824, № 5.

²⁵ О давнишнем неприязненном чувстве Пушкина к Каченовскому, который не напечатал в «Вестнике Европы» три стихотворения, присланные ему юным поэтом, см. в статье М. А. Цявловского «Великий поэт и его редактор». — «Рабочая Москва», 1936, № 129 от 6 июня.

²⁶ О том, что эпиграмма связана с этой полемикой, стало известно из обнаруженного мною в архиве письма Я. И. Сабурова к А. И. Сабурову от 12 мая 1824 года из Петербурга. Яков Иванович рассказывает о «журнальной брани» Вяземского «с малыми и старыми москвичами», говорит о «войне и за него и против него», которая «отовсюду загорелась». Он возмущается низким уровнем полемики и приводит текст эпиграммы Пушкина, «которая еще всех действительнее». «Она за Вяземского», — сообщает он. (См. «Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837)». «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 44—46).

вому взрыву негодования в эпиграмме, поэт пишет «Письмо к издателю «Сына Отечества», которое 3 мая уже появляется на страницах петербургского журнала²⁷. Нельзя с большим спокойствием, чувством авторского достоинства, серьезностью и вместе иронией отозваться на выпады бездарной и старомодной критики, враждебно встречавшей все поэмы гениального поэта.

В словах же о доброжелательных отзывах Пушкин довольно прозрачно давал понять, что это было и словом сочувствия и внимания единомышленников к поэту, пребывающему в ссылке. Лишь в конце письма позволил себе Пушкин легкую саркастическую улыбку в сторону злополучного анонима.

Напомним текст этого замечательного письма: «В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностью читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание Бахчисарайского фонтана, присоединил к оному Разговор между Издателем и Антиромантиком, разговор вероятно вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходятся с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № «Вестника Европы» второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

«Изд. Итак, разговор мой вам не нравится? — *Класс.* Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю и сам автор об этом пожалеет».

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

---

²⁷ См. «Сын Отечества», 1824, № 18, стр. 181—182.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению, и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Одесса.

Александр Пушкин.

И эпиграмму и «Письмо к издателю «Сына Отечества» Пушкин написал в начале апреля²⁸. Майские письма Пушкина почти не известны. А в июне журнальная перепалка уже не волновала его.

13 июня 1824 года поэт писал брату: «Ты спрашиваешь моего мнения насчет Булгаринского вранья — чорт с ним. Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме. Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вот тебе и весь мой совет»²⁹.

За неделю до этого Пушкин писал и Вяземскому: «Письма твои* обрадовали меня по многим отношениям: кажется, ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып³⁰ или цыц-цыц»³¹.

---

²⁸ «Письмо к издателю «Сына Отечества» датировано в Академическом издании 1824 годом (т. XI, стр. 530). В «Летописи жизни и творчества Пушкина» (т. I, 1951, стр. 455) М. А. Цявловский датировал статью временем между 5 и 10 апреля 1824 года, основываясь на том, что «Письмо...» вышло уже из печати в Петербурге 3 мая 1824 года, а написано оно как отклик на статью «Второй разговор между классиком и издателем «Бахчисарайского фонтана», напечатанную в № 5 «Вестника Европы» за 1824 год. Книжка журнала вышла в Москве 27 марта. Не располагая архивным источником, на основании косвенных данных М. А. Цявловский приурочивал день выхода книжки к 26 марта («Летопись...», стр. 451). Документальная дата не меняет установленной в «Летописи...» датировки «Письма к издателю «Сына Отечества».

Написанная по поводу той же статьи в «Вестнике Европы», в одни и те же дни, что и «Письмо к издателю «Сына Отечества», предшествуя ему как более непосредственный отклик, эпиграмма «Охотник до журнальной драки...» была, вероятно, и отослана Пушкиным из Одессы одновременно с «Письмом к издателю...». Поэтому и эпиграмму следует датировать теми же днями, что и «Письмо» (в отмену моей датировки эпиграммы временем между 10 и 24 апреля 1824 года. См. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 46).

²⁹ Пушкин, т. XIII, стр. 97.

* Речь идет о письмах, привезенных 7 июня женой Вяземского в Одессу. Они не сохранились.

³⁰ Пушкин говорит об эпиграмме Вяземского на молодых литераторов М. Дмитриева и А. Писарева «К журнальным близнецам, начинающей стихом «Цып! Цып! Сердитые малютки!». Дальше Пушкин исправляет и текст эпиграммы: «В твоей неточность: и визг такой; должно *писк*. Впрочем она прелестна».

Датируют эпиграмму ошибочно 1825 годом (в Полном собрании сочинений князя П. А. Вяземского, т. III, СПб., 1880, стр. 388 и в «Избранных стихотворениях» П. А. Вяземского. Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой. Academia, 1935, стр. 419—420).

³¹ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года, стр. 96.

Весь этот материал пришлось привлечь для разъяснения и для датировки стиха Пушкина:

Мир вам, журнальные клеветы.

Стих этот мог появиться у Пушкина не ранее того времени, когда выражение — вслед за статьей Вяземского — стало злободневным, лишь тогда, когда эта полемика уже не вызывала у Пушкина эпиграмм и оставляла его равнодушным и, конечно, пока выражение «журнальные клеветы» еще отдавалось в памяти читателей.

Все эти условия ограничиваются временем не ранее мая — июня и, вероятно, не позднее сентября — октября 1824 года. Вот когда было написано стихотворение «О муза пламенной сатиры!...».

VI.

Итак, лето 1824 года.

Пушкин пишет бичующую сатиру. Прежде всего он успокаивает своих литературных противников, — «мир вам». Не о них будет речь. У него есть враги посерьезнее. Кто ж они? Если не литературные, то личные или политические.

Презрение Пушкина, спокойная уверенность в неоспоримости своего суда бьют в глаза. Окрик — «А вы, ребята подлецы, — /Вперед!», сознание в своем безусловном праве решать судьбу своих подсудимых («Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда!») и совершенное убеждение в том, что наказание этих «подлецов» — дело общенародное (поэт будет мучить их казнию стыда, обличая их тайные преступления публично) — все говорит о том, что речь ведется не о личных врагах.

Не для них эта торжественность угрозы, этот пафос тона. Что такое Федор Толстой, Северин, Александр Раевский? Не их же казнить публично.

В угрозах поэта чувствуется глубокая уверенность в том, что его суд и казнь * найдут всеобщую поддержку.

Не ясно ли, что бич Ювенала, негодующего обличителя пороков государственных деятелей, взвивается и у Пушкина над представителями деспотической власти, самодержавного строя — истинными его врагами? Кто же они? Речь идет о середине 1824 года.

Главными врагами Пушкина в это время были Воронцов и Александр I. Но не в них одних дело. В это время на глазах Пушкина и всей России происходила ожесточенная борьба за первое место при Александре I. Об этом речь будет идти ниже.

---

* Казнь — в значении страдания в наказание («мучить казнию стыда») — аналогично выражению «мучим казнию покоя» (в стихотворении «Герой», 1830).

Начнем с Воронцова и Александра I. С самого начала службы Пушкина при Воронцове поэту стала ясной невозможность каких бы то ни было отношений с новым начальником. Их обострило командирование Воронцовым Пушкина на проверку борьбы с саранчой, которое возмутило его до предела. Но окончательно вывело поэта из себя решение о его высылке из Одессы с предписанием жить в глухой деревне.

О внезапной перемене своей судьбы Пушкин узнал от одесского градоначальника. Граф Гурьев вызвал Пушкина и сообщил ему волю императора, изложенную в официальном письме графа Воронцова из Симферополя.

Приведу полностью этот документ, из которого Гурьев прочитал Пушкину, вероятно, лишь выдержки. «Государь император по дошедшим до его вел<ичест>ва многим сведениям изволил усмотреть, что коллежский секретарь Пушкин, к несчастью, не только не переменял поведения и дурных правил, кои ознаменовали первые шаги его общественной жизни; но даже распространяет в письмах своих предосудительные и вредные мнения».

Так начал Воронцов свое письмо Гурьеву 24 июля 1824 года. В этих начальных строках Пушкину давали понять, что Александр I его имя помнит, что слава автора «возмутительных стихов», коими он «наводнил всю Россию», отнюдь не померкла.

Воронцов составлял свое письмо на основании письма к нему (от 11 июля) графа Нессельроде. Министр иностранных дел счел уместным приложить выдержку из перехваченного полицией письма Пушкина с признанием поэта в атеизме, на что и намекает Воронцов в последних приведенных словах.

«Вследствие сего е<го> в<еличество> повелел исключить господина Пушкина из списка чиновников коллегии иностранных дел», — сообщал Воронцов Гурьеву.

Тут все соответствовало письму Нессельроде. Воронцов опуссал лишь некоторые «детали», например, начало письма Нессельроде: «Я не преминул представить государю письма, с которыми ваше превосходительство обратилось ко мне по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество полностью согласился с вашим предложением удалить его из Одессы после рассмотрения тех основательных доводов, на которых вы основываете ваши предположения, и подкрепленных в это время другими сведениями, полученными его величеством об этом молодом человеке»*.

До сих пор Воронцов делал в тексте письма Нессельроде лишь купюры, не желая раскрывать перед своими чинов-

* Подлинник письма на французском языке.

никами своего участия в деле высылки Пушкина из Одессы. Это понятно. Любопытно другое. Воронцов отредактировал выражение воли царя.

Нессельроде писал по поручению Александра I такие слова: «...с другой стороны его величество не может согласиться предоставить его полной независимости, потому что, если он вдруг окажется вне наблюдения, он безусловно будет пытаться все более распространять зловредные доктрины, которые он исповедует, и поставит таким образом власти в необходимость применить наконец к нему крайние меры строгости».

Недаром замечал Пушкин в одном из стихотворений, направленных против Воронцова:

Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...

Мог ли «тонкий» человек допустить, чтобы Пушкину стало известно, что царь за сообщение в частном письме к товарищу «зловредных доктрин» грозит поэту крепостью (как иначе понимать *крайние меры строгости*)? И Воронцов изображает дело так, как будто бы главная забота Александра I заключалась в спасении Пушкина от ареста: «и дабы отворотить по возможности от молодого человека всю строгость законов, коей бы он, оставаясь в совершенной независимости, мог легко подвергнуться при ненадежности своего поведения, государь император изъявил высочайшую волю, дабы он был немедленно отправлен на жительство Псковской губернии в поместья родителей его, где и будет состоять под наблюдением местного начальства.

Таковую высочайшую волю сообщил мне управляющий министерством иностранных дел граф Нессельроде для надлежащего и точного исполнения».

Заканчивал Воронцов бумагу следующими распоряжениями:

«Я же по отсутствию моему из Одессы прошу в^{аше} с^{иятельст}во как начальника настоящего местопребывания Пушкина:

1-е, объявить ему содержание воли е^{го} в^{еличест}ва;

2-е, отправить его немедленно в Псков, снабдив прогонями, кои имеют быть возвращены по первому уведомлению вашему о количестве оных;

3-е, причем, если Пушкин даст подписку, что отправится прямо к своему назначению, не останавливаясь нигде на пути к Пскову, то дозволить ему ехать одному. В противном случае отправить его с надежным чиновником;

4-е, о времени отправления его предупредить Псковского губернатора, сообщив о том мне.

О исполнении всего здесь изложенного я буду ожидать от вас подробного донесения в возможной скорости»³².

Удар был нанесен Пушкину решительно и быстро. 27 августа он еще ничего не знал, кроме смутных слухов, а 29-го Гурьев уже доносил Воронцову, что «высочайшая государя императора воля» о Пушкине объявлена ему лично им, Гурьевым, что Пушкин дал подписку и «завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елисаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск».

Пушкин тяготился службой под началом Воронцова, и за два месяца до последних событий он сам подавал в отставку. Поэт думал бежать из России морем, но...

Могучей страстью очарован,
У берегов остался я, —

признавался он в стихотворении «К морю».

И вдруг чужая воля отрывает его от города, в котором он обрел новых друзей, где он полюбил, где с таким жаром писал он «Евгения Онегина», «Цыган»; от «моря», от «неба полудня», от «италианской оперы»³³ его отрывали насильственно и немедленно.

Таково было решение царя, с которым не поспоришь. Воронцов же со своей стороны усугубил тяжесть высылки, предложив Пушкину дать подписку, что он «отправится прямо к своему назначению, не останавливаясь нигде на пути к Пскову».

Старательный исполнитель предписания генерал-губернатора, градоначальник разработал для Пушкина даже специальный маршрут. «Маршрут сей до Киева не касается», — усердствовал порадовать своего начальника Гурьев. Киев был местом постоянных встреч и съездов членов тайных организаций, и пускать ссылаемого Пушкина через этот город было по меньшей мере неосторожным.

Пушкину пришлось подписаться под этим унижительным обязательством. Ехать под присмотром «надежного чиновника» из окружения Воронцова было бы еще хуже. Подписался он 29 июля и дня два спустя выехал из Одессы.

VII.

Эпизод высылки Пушкина из Одессы и связал воедино в сознании поэта два нетерпимых для него имени — исконного врага его — Александра I и отныне навсегда ненавистного ему Воронцова, преследующих его уже не за «возмутитель-

³² «Матеріали історичних архівів УРСР». Сб. «О. С. Пушкін (статті та матеріали)». За редакцією акад. П. Г. Тичини і проф. О. І. Білецького. Київ, 1938, стр. 200—202.

³³ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Д. М. Шварцу, датированное: около 9 декабря 1824 года, стр. 129.

ные», то есть подстрекающие к восстанию сочинения, а за свободную атеистическую мысль.

Конечно, не в горячке прощальных дней зазвучали великопешные строфы против «подлецов». Естественнее думать, что стихи «О муза пламенной сатиры!..» родились в пути или в сосредоточенном деревенском уединении (в августе, сентябре, может быть, в октябре 1824 года).

Вопрос о том, куда же, к какому месту «Евгения Онегина» могли бы быть приурочены эти полторы онегинские строфы, пока не поддается разрешению. Август — октябрь 1824 года — это время создания последних строф третьей главы (со строфы XXXII, следующей за письмом Татьяны — «Татьяна, то вздохнет, то охнет...» — до конца главы) и первых шестнадцати строф четвертой главы (кончая монологом Онегина «К беде неопытность ведет»). С этими лирическими главами, горькими строфами о женщинах и с одним из узловых моментов в истории любви Татьяны стихи «О муза пламенной сатиры!..» никак не вяжутся. Приходится предположить, что эти стихи написаны в связи с каким-то замыслом нового поворота в романе, или, вернее, в качестве лирического отступления.

Но если мы не находим внутренней связи в стихах «О муза пламенной сатиры!..» с писавшимися одновременно с ними строфами «Евгения Онегина», то нас поражает близость к этому отрывку других стихов того времени:

Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает,
Героев утешает он.

(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

В этих словах Пушкин провозглашает неотъемлемое право поэта вершить суд над своими современниками в уверенности, что суд этот будет с благодарностью оценен и принят потомством. Вечные стрелы, то есть стрелы, пронзающие навечно³⁴, — это та же неизгладимая печать.

Пушкин был, по-видимому, очень доволен этой удачной формулой — предельно лаконичной, ясной, звучащей как афоризм. Недаром вскоре он применил эти же слова и к суду появляющейся в печати литературной критики, осуждая ее мелочность, смещение масштабов: «Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?»³⁵.

³⁴ Пользуюсь случаем отказаться от своего поспешного предположения: «Возможно, что замена в первом прижизненном издании эпитета «верных» эпитетом «вечных» (стрел) является опечаткой, не исправленной и в двух следующих изданиях» (Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 840, сноски 6). Эпитет «верных» (стрел), находящийся в рукописи, конечно, естественнее, привычнее. Но заменен он в печати, бесспорно, Пушкиным, — образ приобрел тут большую значительность. В последней редакции поэт подчеркивает уже не меткость, а бессмертие суда поэта.

³⁵ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо Рылеву от 25 января 1825 года, стр. 135.

В чем смысл стиха «Героев утешает он»? Разве герой нуждается в утешении? Да, нуждается, если это герой политический, деятельность которого пресечена. Персонально для Пушкина в 1824 году это мог быть один только Владимир Федосеевич Раевский, с 1822 года томившийся в каземате. Ему и написал Пушкин в острог два послания (которые, по-видимому, не были отосланы поэтом), это было *утешение героя*, дружба с которым оборвалась в связи с арестом «спартанца». Вспомним, что первое имя, которое вырвалось у Пушкина, когда он услыхал от Пушкина о существовании тайного общества, было имя Владимира Раевского.

Слова поэта — «героев утешает он» — оказались пророческими (и это не единственный случай; отсюда — отождествление понятий *поэт* и *пророк* у Пушкина в «Подражаниях Корану»³⁶, в известном «Пророке» и, вероятно, в трех не дошедших до нас стихотворениях того же цикла).

Крушение освободительного дела в 1825 году вызвало к жизни новые утешения поэта. Назначение послания Пушкину («Мой первый друг...») и послания декабристам («Во глубине сибирских руд...») заключалось именно в *утешении героев*, которое поэт выражает всем смыслом стихотворений, а в послании Пушкину даже прямо называет этим словом:

Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье...

Однако вернемся к стихам «Поэт казнит, поэт венчает...» и следующим.

Эти удивительные по важности и по смелости строки входят в программное стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», которым Пушкин открыл публикацию «Евгения Онегина».

Пусть идут они от имени книгопродавца — в подобной расстановке реплик Пушкин имел больше простора для обнародования своих свободных мыслей³⁷.

В приведенных стихах — «Поэт казнит, поэт венчает...» мы видим принципиальную поддержку поэтом собственного гнева в неистовых выражениях стихотворения «О муза пламенной сатиры!..».

³⁶ См. Н. В. Фридман. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина. «Ученые записки МГУ», вып. 118. Труды кафедры русской литературы. Кн. 2, 1946, стр. 83—107.

³⁷ Любопытно, что этим маневром Пушкин усыпил не только бдительность цензуры, но и внимание исследователей нашего времени, широко цитирующих любые отрывки из «Разговора», за исключением этих основоположных четырех стихов. Лишь во вступительной статье ко второму трехтомному изданию стихотворений Пушкина (в серии «Библиотека поэта») Б. В. Томашевский приводит это четверостишие и подчеркивает его глубокое значение: «В этой формуле содержится определение общественного значения поэта — глашатая истины, выразителя приговоров народной совести» (т. I, 1955, стр. 24).

После страстного призыва к музе пламенной сатиры и после величавого заявления о праве поэта казнить и поражать злодеев громом вечных стрел в потомстве Пушкин направил свое вдохновение на эпиграммы и сатиры на царя и на наиболее одиозные фигуры в правительственном синклите. То были уже не быстрые вспышки гнева, а дело — большое, серьезное, первостепенной важности — дискредитация, развенчивание Александра «благословенного» в глазах «дальнего» потомства*, а по мере возможности, и в глазах современников.

Именно в это время, после высылки из Одессы в Михайловское, особенно неустанно в 1824 и 1825 годах, Пушкин пишет «пропасть» эпиграмм. Дошли ли до нас эти эпиграммы, о которых мы знаем от самого поэта? Мы еще вернемся к этому.

Пушкин, как и все его современники, был вынужден постоянно прибегать к эзоповскому языку³⁸. Многие из его намеков, оставшиеся долгое время темными, постепенно разъясняются. По аналогии с текстом ставшего наконец понятным предисловия к «Путешествию Онегина» раскрывается, как нам кажется, и истинное значение одного из пунктов, который Пушкин хотел поместить в предисловии к изданию своих стихотворений.

Есть в предисловии к «Путешествию Онегина» такие слова: *«Автор... решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики»* (курсив мой. — Т. Ц.).

По бесценному свидетельству Катенина, Пушкин сам говорил ему, что *«сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел военные поселения, заведенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую»*³⁹ (курсив мой. — Т. Ц.).

* Это — прямое обращение к нашему времени, первому поколению, которое прикоснется к творчеству Пушкина в условиях, уже свободных от царской цензуры.

³⁸ Этой теме посвящена статья Н. Н. Фатова «Эзопов язык» в произведениях Пушкина южного периода». Сб. «Пушкин на юге». Кишинев, 1958, стр. 328—339. Работа эта была прочитана автором на седьмой Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в июне 1955 года.

³⁹ П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве А. С. Пушкина. «Литературный критик», 1940, № 7—8, стр. 231. А. И. Гербстман обратил внимание на то, что в рукописи восьмой главы (впоследствии «Путешествие Онегина») строфа — «Святая дружба! — глас природы!..» обрывается на четвертом стихе, вслед за которым идут строки тире, а затем обозначение XV—XXIV (см. Пушкин, т. VI, стр. 504, где вторая цифра прочтена редактором тома Б. В. Томашевским как XXIII). Это привело его к очень убедительному выводу, что эти цифры обозначают место и количество строф (десять), посвященных военным поселениям. (См. А. И. Гербстман. О работе над рукописями Пушкина. Газ. «За отличную учебу». Орган ректората, парткома, комитета комсомола, профкома, месткома Казахского госуниверситета им. С. М. Кирова. Алма-Ата, № 21 (221) от 7 июня и № 22 (222) от 23 июня 1954 года).

Вот что вскрывается за туманным объяснением: «решился выпустить»... «главу по причинам, важным для него, а не для публики». За этими словами скрывалось авторское изъятие цензурного текста.

А вот какими словами, близкими к этому выражению, формулирует Пушкин мысль, которую Плетнев с братом поэта должны были ввести в предисловие к изданию его «Стихотворений»:

«2) мы (сиречь Издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (россейской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам»⁴⁰ (курсив мой. — Т. Ц.).

Вся приведенная часть пункта второго сложными и витиеватыми экивоками говорит о политических стихотворениях Пушкина. Это отлично поняли Левушка с Плетневым, начисто отвергнув мысль Пушкина в написанном ими предисловии к «Стихотворениям Александра Пушкина» 1826 года.

Несколько прозрачнее об этом говорит Пушкин в письме к Вяземскому, написанном в те же дни (в конце марта—начале апреля 1825 года): «Стихотворения мои отосланы в Петербург под Бирукова (то есть в цензуру. — Т. Ц.). Почти все известно уже. Но все нужно было соединить воедино. Изю всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные — но по несчастю я могу сказать, как Chamfort: Tous ceux, contre lesquels j'en ai fait, sont encore en vie*, а с живыми — полно, не хочу ссориться»⁴¹.

Итак, Пушкин говорит Вяземскому о том, что он должен был «предать забвению» (то есть не печатать, это еще не значит, что уничтожить) около 50 эпиграмм. Это те самые «малозанимательные для почтеннейшей публики» «штуки», которые должно было «из полного собрания выбросить».

Кого имеет в виду Пушкин, говоря: «По несчастю могу сказать, как Шамфор: Все те, на кого я их написал, еще живы, а с живыми — полно, не хочу ссориться?»

Речь идет, конечно, не о товарищах и знакомых. От ссор с ними Пушкин не уклонялся. Не вынося глупых утверждений, человек несдержанный, он резко высказывал это при всяком споре. Обладая высоким чувством чести, Пушкин не спускал обид и мгновенно вызывал на дуэль.

Весь контекст анализируемой фразы подсказывает мысль,

⁴⁰ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к брату от 27 марта 1825 года, стр. 158.

* Шамфор: Все те, на кого я их написал, еще живы (франц.).

⁴¹ Пушкин, т. XIII, стр. 160.

что слова письма намекают на Александра I. «По несчастию» «еще живы», — вместе со всей передовой Россией Пушкин возлагал надежды на изменение абсолютистского строя с подготовляемым переворотом и, может быть, убийством царя.

«...На кого я их написал», — не говоря о лицейской эпиграмме «Двум Александрам Павловичам», на Александра I к этому времени были написаны известный нозль 1818 года «Сказки» («Ура! в Россию скачет...»), вероятно, три не дошедших до нас нозля (1817, 1819 и 1824 годов) и сатира «Ты и я». «...Полно (то есть довольно. — Т. Ц.), не хочу ссориться», — Пушкин уже испытал, к чему приводят независимые высказывания.

Эту же мысль, основанную на личном опыте, поэт повторил впоследствии в «Сказке о золотом петушке»: «Но с царями плохо вздорить» (печатный вариант: «Но с иным накладно вздорить»). Во множественном числе («все те») Пушкин сказал, быть может, сохраняя форму цитаты (источник цитаты не установлен) и, главное, помня о перлюстрации писем.

Итак, пятьдесят политических эпиграмм, центральная часть которых направлена против царя.

VIII.

Когда Пушкина в Михайловском посетил Пущин, он не скрывал от ссыльного поэта существования тайного общества. Об этом вспоминает сам Пущин, но он дает понять, что они этого острого вопроса не углубляли⁴².

Позволим себе усомниться в полнейшей откровенности мемуаров И. И. Пущина при передаче беседы с Пушкиным в Михайловском. О многом он умолчал. Его тактика понятна. Рассказывать в записках обо всем том, что раскрывается сейчас при пытливом вчитывании в первоисточники, значило бы вновь рисковать. Совершенно естественно, что ставить себя под угрозу возвращения в Сибирь, когда он только что — после тридцати лет ссылки — вернулся оттуда, Пущину не было никакой охоты. Да и раскрывать глубину радикализма Пушкина в пятидесятых годах, хоть и после смерти Николая, было еще невозможно. И поэтому декабрист толь-

⁴² «Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою, — по многим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть» (И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха. М.—Л., 1927, стр. 85).

ко чуть приподнял завесу: жгучей темы они будто бы едва коснулись и сейчас же отошли от нее.

Попробуем восстановить, какова же была в действительности беседа одного из крупнейших политических деятелей передовой России и гениального поэта, заточенного в ссылке, — двух единомышленников, связанных теснейшей дружбой с отроческих лет.

Уже высказывалась более чем правдоподобная догадка, что 11 января 1825 года, в этот «знаменательный в истории отношений Пушкина с декабристами» день, Пущин, «вероятно, сообщил ему кое-что о планах общества»⁴³.

«Нельзя было сказать о существовании тайного общества и членстве в нем И. И. Пущина, не сказав, во имя чего же общество существует, что собирается предпринять»⁴⁴.

Именно тем, что Пущин говорил Пушкину о «восстании, которое намечалось южанами на 1826 год», «объясняются «пророчества» Пушкина в «Андрее Шенье» о скором «падении тирана» и в стихотворении «19 октября» — о свидании с друзьями по истечении года»⁴⁵.

О том, что декабрист сообщил ссыльному поэту и о методах борьбы, принятых обществом, о подготавливаемом аресте или даже убийстве царя, свидетельствуют со всей неоспоримостью еще три документа, два из которых с этой точки зрения еще не рассматривались. (Я имею в виду письма, написанные вскоре после отъезда Пущина из Михайловского).

Спустя два месяца после свидания с другом Пущин заканчивал свое, как всегда коротенькое, письмо к нему следующей пометой: «Марта 12-го. *Знамен<ательный> день*» (подчеркнуто Пущиным). Это был день вступления на престол Александра I. Можно ли думать, что эта помета должна была только напоминать Пушкину о дворцовом перевороте 1801 года и о начале нового этапа русской истории? Невероятно. Ведь это переписывались не историки прошлого, а горящие жаждой деятельности пламенный сатирик, вооруженный бичом Ювенала, и активный член тайного политического общества.

Конечно, помета эта говорила о другом — о дате воцарения ничтожного, обманувшего когда-то возлагавшиеся на него надежды, лицемерного Александра, о том, что близится и его последний день, подобный последнему дню Павла I.

⁴³ М. В. Нечкина. Поэт и декабристы. «Советское студенчество», 1937, № 1, стр. 47; ее же. Пушкин и декабристы. «Вестник АН СССР», 1937, № 2—3, стр. 165.

⁴⁴ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 104.

⁴⁵ См. А. Л. Слонимский. А. С. Пушкин. Вступительная статья в издании: А. С. Пушкин. Стихотворения в трех томах, т. I. Редакция текста и примечания Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха, Н. И. Мордовченко и А. Л. Слонимского. Под общей редакцией А. Л. Слонимского. Л., 1940, стр. XXV. (В серии «Библиотека поэта»).

Второй документ — это вышеприведенное письмо Пушкина от конца марта — начала апреля 1825 года к Вяземскому, со словами: «...по несчастью я могу сказать, как Шамфор: Все те, на кого я их <эпиграммы> написал, еще живы»*. В совокупности со всеми другими данными эти строки намекают на то, что о предстоявшем убийстве Александра I Пушкин знал и что он не дождался этого революционного акта — «по несчастью... еще живы».

Третий документ — это стихи Пушкина «Заступники кнута и плети...». Хотя текст этой политической эпиграммы вычитывается из очень трудного черновика и является в значительной степени гипотетическим, почему и не может служить основанием для каких бы то ни было умозаключений, тем не менее в дополнение к названным материалам присоединить его необходимо:

Заступники кнута и плети,
[О знаменитые <?>] князь <я>,
[За <все> <?>] жена [моя] [и] дети
[Вам благодарны] как <и я> <?>.
За вас молить [я] бога буду
И никогда не позабуду.
Когда позовут **
Меня на <нрзб.> расправу,
За ваше здравие и славу
Я <?> дам <?> царю <?> мой первый кнут.

Публикуя приведенный текст стихотворения, я писала⁴⁶: «...эпиграмма является яркой демонстрацией того, что Пушкин был очень близок к настроениям декабристов и, больше того, за три месяца до восстания он был убежден в том, что оно неминуемо, и верил в то, что «друзья, братья, товарищи» позовут его на расправу с царем»⁴⁷. Однако я не решилась

* В подлиннике — на французском языке; см. его выше, на стр. 167.

** Стих неполный (в нем не хватает подлежащего). Он должен был читаться, вероятно, в таком роде:

Когда же братья позовут...

⁴⁶ Т. Зенгер. Из черновых текстов Пушкина. I. Политическая эпиграмма. Сб. «Пушкин родоначальник новой русской литературы». М.—Л., 1941, стр. 36 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького).

⁴⁷ Иначе понимал эпиграмму Б. В. Томашевский: «Последний стих внушает большие сомнения как по чтению неразборчивых слов, так и по смыслу: вряд ли можно полагать, что призванный на расправу может дать кнут своим обвинителям. Вернее предположить, что Пушкин иронически благодарит друзей за те истязания, которым он может подвергнуться со стороны царской политической полиции, во власти которой он, благодаря друзьям, остался (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 438). Повторено в более категорической форме и во втором издании 1957 года. Несколько видоизмененно, но по существу то же высказано Б. В. Томашевским и в другом месте (А. С. Пушкин. Стихотворения, т. III. Изд. 2. Л., 1955, стр. 805—806. («Библиотека поэта». Большая серия): «Можно предполагать, что в стихотворении Пушкин иронически благодарит друзей за будущую распра-

тогда связать это утверждение, продиктованное текстом стихотворения, с фактом биографии Пушкина. Строки эти были поставлены в зависимость от разговора Пушкина с Пушкиным десять лет спустя⁴⁸.

Возвращаемся к беседе 11 января 1825 года в Михайловском.

«Потом он мне прочел кое-что свое, — рассказывает Пушкин, — большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пьес»⁴⁹. Пушкин понимает здесь, вероятно, «Цыган», законченных за три месяца до его приезда, сцены из недавно начатого «Бориса Годунова», первые главы «Онегина». Но, безусловно, читал Пушкин Пушкину и то, что не могло быть напечатанным.

«Пушкин был необыкновенно впечатлителен, — писал его современник, — и при этом имел потребность высказаться первому встретившемуся ему человеку, в котором предполагал сочувствие или который мог понять его <...>. Таковую же необходимость имел он сообщать только что написанные им стихи»⁵⁰.

И изголодавшемуся по достойному слушателю Пушкину

ву над ним царской полиции, которую он может ожидать, если останется в ее власти». Автор этих строк толкует стихотворение в том смысле, что Пушкина «призовут на расправу» над ним.

Эта точка зрения противопоставлена моему пониманию: я утверждала и продолжаю утверждать, что Пушкина позовут друзья-декабристы для участия в расправе над царем. Помимо духа стихотворения, его направленности, смысла, того, ради чего оно написано, что оно выражало, каким чувствам оно должно было дать выход, — как можно себе вообразить, что Пушкин станет писать об избииении его кнутом?!

Точно так же, опираясь на общеупотребительное значение выражения «позвать на расправу», как на расправу над тем, кого позовут, возражал моему толкованию стихотворения В. В. Виноградов (доклад «Вопросы атрибуции анонимных публикаций по данным языка и стиля» на XI Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в июне 1959 года). В прениях выяснилось, что толкования заключительных слов автографа «мой первый кнут» (чтение которых не вызывает ничьих сомнений), связанных с действием активным, исходящим от первого лица, В. В. Виноградов не оспаривает. При этих противоположных толкованиях двух выражений, имеющихся в стихотворении («позовут» «на расправу» и «влетит» «мой первый кнут»), картина, изображенная поэтом, теряет художественную убедительность: человек (не Пушкин, полагает В. В. Виноградов, — по-видимому, «лирический герой») призывается на расправу (над ним), в руках у него, впрочем, оказывается кнут, которым он ударяет своего противника, очевидно, того, кто позвал его, чтобы учинить над ним расправу? В чем идея такого стихотворения? Мог ли Пушкин быть автором подобного произведения?

⁴⁸ См. Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М.—Л., 1950, стр. 377—378.

⁴⁹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха. М.—Л., 1927, стр. 87.

⁵⁰ Из записной книжки Н. В. Путяты. «Русский архив», 1899, № 6, стр. 352.

судьба посылает счастливейший дар — приезд близкого друга и единомышленника, умного и горячего ценителя его творчества, Ивана Пущина. С жадностью должен был Пушкин ухватиться за единственную возможность перелить переполнявшие его мысли, чувства и творения в такого слушателя, как Пущин.

Среди заветных политических произведений Пушкина, не предназначенных для опубликования в тех исторических условиях, в которых жила Россия в январе 1825 года, были и проза, и стихи, написанные за пять лет разлуки друзей. Тут должны были быть «замечания на черноморских и донских казаков», которые Пушкин писал, по-видимому, в связи с крестьянскими волнениями в Екатеринославской губернии и на Дону и о которых он сообщал брату, обещая когда-нибудь прочесть их ему: «теперь тебе не скажу об них ни слова»⁵¹.

Читал, конечно, Пушкин Пущину и свою характеристику царствования Екатерины II, независимую, трезвую и резкую, свободную оценку личности и деятельности всеми прославлявшейся «великой жены» — «Тартюфа в юбке и в короне», по словам Пушкина⁵².

Не мог не читать Пушкин другу, признавшемуся ему в этот памятный день в существовании тайного общества, своих воспоминаний о встречах с деятелями общества, о высказываниях их, — то есть «Записок», сожженных поэтом после 14 декабря.

Среди стихов, которые Пушкин читал Пущину, были, безусловно, и политические эпиграммы и сатиры. Никаких сомнений не может быть в том, что Пушкин прочел ему свой новый сатирический ноэль, написанный спустя пять лет после последнего ноэля 1819 года. Мы не знаем его. Текст его до нас не дошел. Но Пушкин, пославший в Петербург эту «святочную песенку» к рождеству 1824 года, отправив его с одним

---

⁵¹ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 года, стр. 18.

⁵² «...отрывок Пушкина <...> представляет собой дошедший до нас образец декабристской прозы и свидетельствует о гениальных возможностях боевой художественно-политической прозы Пушкина», — пишет исследователь, первый правильно осмысливший страницы «Записок» поэта, до последнего времени печатавшихся под названием «Заметки по русской истории XVIII века» (И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. М., 1955, стр. 248; изд. 2, доп. М., 1958, стр. 272). Приведа цитату из «Записок Пущина о Пушкине» о том, что поэт «всегда согласно со мною мыслил о деле общем (res publica), по-своему проповедовал в нашем смысле — и изустно и письменно, стихами и прозой», И. Л. Фейнберг поддерживает этим свидетельством Пущина свое утверждение о существовании декабристской прозы Пушкина.

Вопроса о том, когда и при каких обстоятельствах мог познакомиться Пущин с этим отрывком с характеристикой Екатерины II, И. Л. Фейнберг не ставит.

Это могло быть только в единственный день встречи поэта с декабристом после написания в 1822 году этого текста — 11 января 1825 года, так как 15 декабря Пущин был арестован, и больше они не виделись.

из соседей, сильно встревожился, когда узнал, что он в Петербурге не получен. «Ничуть не забавно мне попасть в крепость *roug des chansons*» *, — писал он ⁵³.

Эти слова совершенно недвусмысленно говорят о том, что рождественская сатирическая песенка 1824 года точно так же высмеивала царя, как и ноэль 1818 года:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот...

как, быть может, и неизвестные нам ноэли 1817 и 1819 годов ⁵⁴.

Едва ли нужно доказывать, что поэт дал другу с собою тексты некоторых из этих своих животрепещущих произведений для передачи их товарищам, единомышленникам.

Обратимся к незамеченным или непонятым документальным материалам, подтверждающим нашу априорную мысль. Вот восторженные слова А. А. Бестужева Пушкину в ответ на его письмо, посланное с Пушиным: «...прощай, мой поэт, *будь самим собою* и помни друзей, которые желают тебе *счастья и славы*» ^{54а} (курсив мой. — Т. Ц.). В завете декабриста поэту «будь самим собою», в пожелании ему славы мы видим намек на то, что Бестужеву стало известно, что Пушкин продолжает свою деятельность, служащую единым с декабристами целям.

Обратим внимание и на письмо Пушина к поэту, написанное из Москвы после возвращения из Михайловского: «Много знакомых твоих и любопытных о тебе спрашивают. Я по возможности удовлетворяю их любопытству» ^{54б}. То есть главного, конечно, рассказывать нельзя.

Слова Пушкинина Вяземскому в марте 1825 года о том, что он жалеет, что *должен был предать забвению*, то есть не включить в рукопись своего сборника стихотворений **, сданного в цензуру, около пятидесяти эпиграмм, позволяют связать все эти факты воедино.

IX.

Мы можем уже решиться предложить достаточно обоснованную гипотезу. По-видимому, приехав в Михайловское в ссылку, Пушкин чувствовал, что подъем волны сатирической

* За песенки (франц.).

⁵³ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Л. С. Пушкину, датированное временем «около (не позднее) 20 декабря 1824 года», стр. 130.

⁵⁴ См. Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы». Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, стр. 375—376.

^{54а} Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо А. А. Бестужева к Пушкину от 12 февраля 1825 года, стр. 142.

^{54б} Там же. Письмо И. И. Пушина от 18 февраля 1825 года, стр. 144.

** Речь идет о первом сборнике стихов поэта «Стихотворения Александра Пушкина» издания 1826 года.

поэзии, начавшийся у него еще в Одессе, не спадает. Этим обусловлены и стихи «О муза пламенной сатиры!...» и около пятидесяти эпиграмм, написанных им к марту 1825 года.

Эпиграммы эти, которые поэт «должен был предать забвению» (в это время едва ли шла речь об их уничтожении, а лишь о невключении их в сборник, посланный в цензуру), были столь важны для Пушкина, что он хотел сказать о них в предисловии к своей книге.

Именно эти эпиграммы — эпохи сыбытки — и должны были навести поэта на мысль о том, что наряду с подготавливаемым им к печати сборником стихотворений можно было бы подготовить и второй, потаенный, с политическими эпиграммами.

Есть некоторые основания и еще для одного момента, входящего в эту гипотезу. Важную роль в деле создания Пушкиным нелегального сборника эпиграмм, несомненно, должен был сыграть приезд Пущина к сыльному поэту 11 января 1825 года.

Пущин, безусловно, одобрил эту подпольную поэзию Пушкина. И если сам поэт до тех пор еще не думал о сборнике нецензурных эпиграмм, то идея эта родилась во время важнейшей для обоих друзей беседы.

Доказательством этому служит хотя бы то, что в январе 1825 года поэт принимается за обработку своих начатых прежде и оставленных политических эпиграмм. Вскоре после отъезда Пущина он переписывает их в свою рабочую тетрадь и отделяет их.

Теперь разъясняется сдержанная лаконичность в глухом сообщении Соболевского: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие».

Именно сборник политических эпиграмм, единственно этот и никакой иной, Пушкин мог думать открыть прологом «О муза пламенной сатиры!...».

Перехожу к вопросу о составе сборника. Итак, весной 1825 года у Пушкина было «около пятидесяти» политических эпиграмм⁵⁵. И спустя полгода, посылая Вяземскому несколько эпиграмм, поэт повторял: «У меня их пропасть, избираю невиннейших»⁵⁶. Невиннейшие, то есть литературные. Остальные не могут быть посланы почтой.

Неужели же мы ничего не знаем из этих политических эпиграмм Пушкина, которыми он так дорожил? Неужели они все уничтожены?

⁵⁵ См. Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Вяземскому от конца марта — начала апреля 1825 года, стр. 160.

⁵⁶ Там же. Письмо к Вяземскому от конца ноября — начала декабря 1825 года, стр. 245.

Обратимся к собранию сочинений Пушкина. Нас не должно останавливать то обстоятельство, что цикла политических эпиграмм ни в 1824-м, ни в последующие годы там нет.

Надо помнить, что в собрании сочинений Пушкина (говоря о наиболее научном, Академическом) есть несколько рядов произведений: основной ряд, ряд неточно датированных («неизвестные годы»), ряд произведений, принадлежность которых Пушкину точно не установлена («Dubia»).

Это расположение стихотворений в различных местах в издании, вызванное сугубой научной осторожностью, и не давало увидеть того массива эпиграмм 1824—1825 годов, который открывается в результате скрупулезных разысканий.

Нам предстоит обозреть эпиграммы из всех этих разделов.

1. «О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ!..»

Как мы уже знаем, это стихотворение должно было быть введением в сборник. За некоторыми словами его текста как будто угадываются живые конкретные лица, но так обобщенно изображенные, что портретность их в глаза не бросается. Я имею в виду стихи:

О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Выяснив датировку произведения (лето 1824 года), вспомнив психологическую ситуацию Пушкина в это время и имена его главных врагов, едва ли мы ошибемся, если выскажем предположение, что в «бесстыдно-бледном лице» названы характерные приметы Воронцова (он был известен свойством бледнеть от злобы и волнения), а в «широко-медном лбе» — сконцентрированный портрет Александра I; поэт сочетает в этой формуле и прямой и переносный смысл — характерную внешнюю примету императора (крепкий широкий лоб его, обращающий на себя внимание на всех изображениях его) и психологический портрет: в современном значении «медный лоб» означает глупость, а в первоначальном его значении — библейском — он означал, что его нельзя пробить ни стрелами, ни словом, то есть упорство, неподатливость.

2. <НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА>

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!

Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

Давно известно, что эта эпиграмма направлена против князя А. Н. Голицына, министра просвещения и духовных дел. Обстоятельства, которые послужили поводом для написания эпиграммы, не были известны. Поэтому она не поддавалась датировке и ее приурочивали ко всему периоду, с которым связывали основную политическую лирику Пушкина, ко времени после окончания лицей и до начала преследования поэта за политические стихотворения⁵⁷.

Эпиграмма возникает всегда как непосредственный отклик на какое-то конкретное живое событие, явление, происшествие. Вчитываясь в текст эпиграммы «Вот Хвостовой покровитель...», можно понять, что в ней отражена история, предшествовавшая крушению карьеры Голицына. Только обстоятельствами глухой борьбы, которую вели против него объединившиеся ради смещения Голицына его враги и соперники, и можно объяснить, как я постараюсь показать, второе четверостишие эпиграммы.

Вот отрывок из письма поэта Языкова к брату, написанного вскоре после отставки Голицына. В нем освещена история падения этого министра с любопытными для понимания эпиграммы Пушкина подробностями.

«...В ходе нашего просвещения много новостей. Знаешь ли ты, что Голицын отлучен от Министерства просвещения и оставлен при одной почте? что на место его — кто бы ты думал? Шишков! Тут едва ли одно не хуже другого; впрочем, говорят критики, что все-таки это лучше, ибо есть надежда, что министерство Шишкова не может быть долговечно по причине его телесной дряхлости и многолетия, а Голицын де живущ до крайности. Впрочем, Русскому царству — дураков не занимать. Говорят, что Магницкий составил заговор с Аракчеевым и митрополитом против Голицына, действовал давно уже и, наконец, успел!»⁵⁸.

Напомню характер политической эволюции Магницкого. Когда-то соратник прогрессивного деятеля «дней Александровых прекрасного начала» Сперанского, сосланный после его падения, Магницкий, вернувшись, круто повернул свое направление, снискал доверие и расположение Аракчеева и Голицына, в духе которых и стал выступать. В 1819 году Магницкий

⁵⁷ М. А. Цявловский — редактор этого стихотворения, датировал эпиграмму июнем (не ранее 11-го) 1817 года — мартом 1820 года (Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1071).

⁵⁸ Н. М. Языков. Письмо к А. М. Языкову от 24 мая 1824 года из Дерпта. «Языковский архив», вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под ред. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 135.

был послан на ревизию Казанского университета. Обвинив университет в растрате казенных денег и в безбожном направлении преподавания, Магницкий в отчете о ревизии предложил торжественно разрушить самое здание университета. Идея его успеха не имела, и он был вновь послан в Казань уже полечителем Казанского округа. Разгром Казанского университета ему удался — он разогнал всю передовую профессию, ввел монастырскую дисциплину для студентов и водворил систему доносов и интриг.

Упомянутый Языковым митрополит, действовавший против Голицына в союзе с Аракчеевым и Магницким, — это известный своей реакционностью Серафим, боровшийся с Голицыным, как с насадителем мистицизма и масонства, чуждых православной церкви.

Языков не назвал еще одного участника этого дружеского объединения — архимандрита Фотия, которого Пушкин почтил отдельной эпиграммой, где отмечена его особая роль в этой борьбе. Борьба эта велась за влияние на Александра I, за власть.

Возвращаюсь к письму Языкова. «К сему относится, — пишет он, — одна, хотя не весьма благопристойная, но весьма любопытная подробность: именно то, что будто бы государь призывал к себе известного содомита Бантыша-Каменского и приказал ему составить список всех ему знакомых по сей части, что Бантыш-Каменский представил таковой список, начав оный министром просвещения (Голицыным. — Т. Ц.), потом стоял канцлер (бывший министр иностранных дел граф Н. П. Румянцов. — Т. Ц.) и так далее, что он имел еще после этого аудиенцию у государя и удостоверил его клятвенно в истине своего донесения».

Два слова о Бантыше, которого не раз упоминает Пушкин.

Это старший сын известного архивиста Н. Н. Бантыша-Каменского, брат историка Украины Д. Н. Бантыша-Каменского, В. Н. Бантыш-Каменский (1778—1829), служащий Коллегии иностранных дел. «Не краснея, нельзя говорить об нем; более ничего я не скажу: его глупостию, его низостию и пороками не стану пачкать сих страниц», — так говорит о нем мемуарист⁵⁹. «Известный в Петербурге «покровитель кадетских корпусов», по ироническому выражению современника⁶⁰, был выслан в ноябре 1823 года в Вятку⁶¹ за противоестественные пороки. Спустя три года он был переведен из ссылки в Тобольск к брату, Д. Н. Бантышу-Каменскому, который был

⁵⁹ Записки Филипа Филиповича Вигеля, ч. I. Изд. «Русского Архива». М., 1891, стр. 164.

⁶⁰ Ив. Кубасов. Павел Лукьянович Яковлев. «Русская старина», 1903, июль, стр. 208.

⁶¹ См. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 29 ноября 1823 года. «Остафьевский архив», т. II. СПб., 1899, стр. 368.

там губернатором; вскоре (в 1828 году) был вновь арестован и заключен «за предосудительные поступки» в Суздальский монастырь, где и умер через месяц, на 51 году от рождения⁶².

Бантыш был случайной удачей или сознательно выбранной жертвой подкопа против Голицына. «Покровитель Бантыша» в эпиграмме Пушкина может означать в равной мере — и друг Бантыша «по греческой методе» (выражение Пушкина), и то, что о человеке, близком ему по духу, министр хлопотал. Именно о последнем говорят и слова во «Втором послании к цензору»:

Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша.

Естественен вопрос: почему Пушкин считал Голицына своим врагом? — Не лично своим врагом, а врагом прежде всего всех писателей. Вот как писал Пушкин А. И. Тургеневу — секретарю Голицына, смещенному вместе со своим шефом: «Последняя перемена министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнем своем месте. Это истинная потеря для нас, писателей; удаление Голицына едва ли может оную вознаградить»⁶³. Голицын резко усилил притеснения цензуры⁶⁴. Министр просвещения и духовных дел был главным деятелем того реакционного мистицизма, которым правительственные круги боролись со свободной мыслью. Ханжа и «гаситель просвещения», «холопская душа», покровитель разных сектантских объединений, в том числе секты Хвостовой, покровитель человека, развращающего подростков, отличавшийся «и подлостью, и придворным интриганством, и порочными вкусами, на Востоке столь распространенными»^{64а}, Голицын вызывал отвращение Пушкина и своей повадкой —

И мистика придворного кривлянье⁶⁵

⁶² См. А. С. Пругавин. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909, стр. 230 и 191.

⁶³ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 года, стр. 103.

⁶⁴ Он требовал, например, чтобы «Ценсурный комитет при рассмотрении сочинений и переводов, предполагаемых к напечатанию вторым, третьим и вообще возобновляющимся тиснением, наблюдал строжайше, дабы места в книгах сих, содержащие в себе мысли и дух противные религии христианской, обнаруживающие или вольнодумство безбожничества, неверия и неблагочестия, или своевольство революционной необузданности, мечтательного философования, или же опорочивание догматов православной нашей церкви, и тому подобное, были непременно запрещаемы к напечатанию, хотя бы в напечатанных прежде книгах и находились...» ГИАМО, ф. 31 (Московского Цензурного Комитета), оп. 1, св. 11, ед. хр. № 49 (Ж. заседаний Московского Цензурного Комитета), л. 25—25 об., протокол заседания 22 апреля 1818 года в Цензурном Комитете при имп. Московском университете.

^{64а} Д. В. Давыдов. Записки. Londres, Bruxelles, 1863, стр. 33.

⁶⁵ В Академическом издании текст «Послания к кн. Горчакову» воспроизводит текст копии, принадлежавшей А. М. Горчакову и исправлен-

чертой, за которую Голицын был назван одним мемуаристом «придворным шутом». К оценке деятельности Голицына Пушкин вернулся в своем «Втором послании цензору». Приветствуя приход в министерство просвещения Шишкова, Пушкин энергично живописует «мрачную годину» последнего времени правления Голицына:

Он с нами сетовал, когда святой отец *,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бангыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Возвращаюсь к последнему времени деятельности Голицына как министра просвещения. Затхлая атмосфера требовала свежего воздуха. Сбросить эту фигуру с высот было необходимо любой ценой. Отсюда поощрительная интонация поэта в эпиграмме, обращенная к усилиям грязной компании объединившихся соперников Голицына.

При новом понимании эпиграммы Пушкина на Голицына пустые до сих пор для нас строки —

Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон,
Не попробовать ли...

и т. д.

оказываются наполненными живым конкретным содержанием⁶⁶. Эпиграмма оказывается не только сатирическим портретом министра просвещения, но и острой зарисовкой борьбы за власть, не гнушающейся никакими средствами. Ми-

---

ной Пушкиным. Помимо новой композиции заключительных строк стихотворения, два стиха в этом тексте («Политика смешного лепетанья» и «И мистики придворного кривлянья») отличаются от прежних изданий, где они читались: «Политика смешного лепетанья» и «И мистика придворного кривлянья»; именно в таком варианте они читаются в большинстве копий (Пушкин, т. II; кн. I, стр. 594—595). Персонификация абстрактных понятий «мистика» и «политика» настолько не вяжется со всем тоном послания, что эти варианты приходится объяснять ошибками в авторизованной копии, не замеченными Пушкиным и напрасно безоговорочно принятыми редакторами. Стихи «Не вижу я...», «И мистика придворного кривлянья», безусловно, имеют в виду кн. А. Н. Голицына.

* Имеется в виду А. Н. Голицын.

⁶⁶ В качестве примера того, как понимались эти строки, можно привести соображение одного исследователя: «Строка из его эпиграммы на Голицына: «Напирайте, бога ради, на него со всех сторон» — была формулой собственного его самочувствия в свете, среди которого он жил» (А. Эфрос. Рисунок поэта. Academia, 1933, стр. 40).

моходом поэт хлещет и всю компанию мракобесов-дельцов, готовых утопить друг друга в ложке воды ради карьеры.

Судя по дате письма Языкова, написанного из Дерпта 24 мая 1824 года, вся эта скандальная история, разыгравшаяся за полгода до отставки Голицына — в ноябре 1823 года — обнаружилась после его падения (он был смещен 15 мая 1824 года). Подобные истории разносятся с необыкновенной быстротой. Вероятно, докатилась она вскоре и до Одессы (о падении Голицына Пушкин писал А. И. Тургеневу 14 июля, но мог знать и раньше, — едва ли он узнал об этом событии с таким запозданием). В это время (в июне—июле 1824 года) и родилась эта язвительная эпиграмма⁶⁷.

3. ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит проницательных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный,
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Эпиграмма «Приятелям» никогда не толковалась как политическая⁶⁸. Между тем вся история писания ее, печатания, в совокупности с анализом первоначального текста эпиграм-

---

⁶⁷ Подтверждением этой новой датировки может служить и следующее обстоятельство. Выражение «Хвостовой покровитель» в эпиграмме должно означать, вероятно, то же, что и «покровитель Бантыша» (в той же эпиграмме), а этот оборот речи объясняется, как мы видели, другим текстом Пушкина («Карала чистых муз, спасая Бантыша») в том смысле, что Голицын заступался за Бантыш-Каменского, когда его выслали из Петербурга. Подобная же история (то есть защита Голицыным ссылаемой сектантки) произошла, очевидно, при удалении из Петербурга А. П. Хвостовой вместе с другими сектантками. Эпизод этот относится к весне 1824 года. (См. письмо А. Ф. Лабзина от 27 мая 1824 года. «Русский архив», 1892, т. III, кн. 12, стр. 392; «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. VII. М., 1892, стр. 41; примечание П. И. Бартенева к «Запискам А. П. Хвостовой». «Русский архив», 1907, январь, стр. 45).

⁶⁸ Если я не ошибаюсь, стихотворение комментировалось до сих пор одним только Б. В. Томашевским, который считал, что Пушкин адресовал эпиграмму «кому-то из своего круга, приятелям, распространявшим о нем дурные слухи, порицавшим его поступки и некоторые произведения...» и т. д. (А. С. Пушкин. Стихотворения, т. III. Изд. 2. Л., 1955, стр. 802—803. «Библиотека поэта». Большая серия). Это примечание развивает прежде высказанную исследователем догадку: «Вызвано недовольством Пушкина, причиненным какими-то поступками его друзей (ср. строфу XIX главы четвертой «Евгения Онегина»), возможно в связи с распространением какой-то клеветы, которую Пушкин приписывал Толстому (ср. примечание к посланию «Чаадаеву» 1821 года). Возможно, что недовольство это распространилось и на Вяземского, которому Пушкин послал эти стихи 25 января 1825». (А. Пушкин. Сочинения. Изд. 2. Редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского. Л., 1937, стр. 916).

мы, как будто не допускает иного понимания. Стихотворение было послано Пушкиным Вяземскому в письме 25 января 1825 года⁶⁹. Когда было оно сочинено—установлено не было⁷⁰. Черновой текст написан «выцветшими чернилами»⁷¹. Это те же чернила, которыми переписано стихотворение «К морю» в его первой редакции, в сентябре 1824 года⁷². Вот когда было написано стихотворение «Приятелям» (первая его редакция).

Спустя несколько месяцев Пушкин переписал это стихотворение в переработанном виде в свою рабочую тетрадь, а вслед за ним на ту же страницу переписал стихотворение «Сказали раз царю...» (давно им начатое и брошенное).

Эти старые, оставленные эпиграммы Пушкин переписал в обработанном виде в январе 1825 года, не позднее 25 числа (в этот день он переписал отсюда одну из них — «Приятелям» — и отослал ее Вяземскому⁷³).

По-видимому, эти свои старые произведения поэт переписывал после отъезда Пушина (11 января), потому что стихотворение «Приятелям» он отослал Вяземскому не с ним, а спустя две недели. Этим подтверждается моя догадка, что переписка и обработка прежде написанных эпиграмм может объясняться поощрением Пушина, а может быть, и рождением во время разговора с ним мысли о необходимости осуществления нелегального сборника политических эпиграмм и сатир.

Необычна история с печатанием этого стихотворения. Она известна, ее сообщают в примечаниях к стихотворению во многих изданиях, но никогда не разъясняют. Смысл ее раскрывается, мне кажется, только сейчас, в контексте всего вышеизложенного.

---

⁶⁹ См. Пушкин, т. XIII, стр. 136.

⁷⁰ Датировка стихотворения в Академическом издании — «4—25 января 1825 г.» (т. II, кн. 2, стр. 1157) объясняется редактором стихотворений 1825 года Д. Д. Благим «по положению чернового автографа в тетради ЛБ и дате письма» («Мотивировки дат». Рукопись). Это — плод недоразумений: в тетради № 2370 ЛБ находится не черновой автограф, а беловой, местоположение которого может дать материал не для датирования времени создания произведения, а лишь для датирования данного автографа; опорная дата, названная редактором — 4 января — привлечена им по ошибке. Имеется в виду дата «4 генв.», поставленная Пушкиным за шесть листов до автографа «Приятелям», на листе 79 об. тетради, у начала пятой главы «Евгения Онегина»; однако это «4 января» было написано не в 1825, а в 1826 году.

⁷¹ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, стр. 27.

⁷² «Перебеленный текст первой редакции (ЛБ, № 2370, лл. 12—13)» стихотворения «К морю» датируется «второй половиной (до 26-го) сентября» 1824 года. Датировано редактором Н. В. Измайловым (Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1142).

⁷³ См. Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Вяземскому от 25 января 1825 года, стр. 136.

Посылая стихи Вяземскому для публикации, Пушкин озаглавил их «Прятелям». Однако стихотворение появилось в «Московском телеграфе» под заглавием «Журнальным прятелям». Пушкин тотчас же послал исправление в «Северную пчелу», где (в № 52, от 30 апреля) и появилось следующее извещение: «А. С. Пушкин просил издателей Сев. пчелы известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 Моск. Телеграфа на стр. 215, под заглавием: *К журнальным прятелям*, должно читать просто *К прятелям*». В ответ на это в «Прибавлении к Московскому телеграфу» (№ 9) было напечатано «Объявление господам издателям Северной пчелы»: «На замечание, что в названии Эпиграммы, напечатанной в Телеграфе, прилагательное: *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Изд. Моск. Тел.». Через две недели Вяземский писал Пушкину: «Охота тебе было печатать ипе réclamation (жалобу. — Т. Ц.) на Телеграф у подлеца Булгарина! Телеграф (так называли издателя «Московского Телеграфа» Полевого. — Т. Ц.) очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить *Журнальным*, потому что у тебя приятелей много, и могли бы попасть не в попад»⁷⁴.

Думаю, что я не ошибаюсь, привлекая в свои союзники Вяземского. Он понимал эзоповский язык Пушкина, совершенно ясный для его современников-единомышленников. Вспомним, что приятелем спустя полгода Пушкин назвал Александра I в письме к Рылееву⁷⁵. Подобное употребление слова «приятель», «друг» в значении «политический враг» применялось не одним Пушкиным. Вспомним, что Николай I говорил о декабристах: «*Mes amis du quatorze*»*.

Свои угрозы в стихотворении «Прятелям» Пушкин писал в высокий адрес, не имевший никакого отношения к литераторам. Однако Вяземский из осторожности (как он сам объяснил) во избежание того, что и другие проникнут в смысл эпиграммы, прибавил *Журнальным*.

Пушкин демонстративно, в печати, настаивал на своем. Поправка эта имела то же значение, что и стих «Мир вам, жур-

⁷⁴ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо от 7 июня 1825 года, стр. 181.

⁷⁵ «...Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности. Чего ж тебе более? загляни в журналы, в течение 6-ти лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили лодолом и понапрасно — а об [Том] нашем приятеле ни гугу, как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста, нет — а всякий знает, что хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и не даст ни 5 рублей — так лучше ж даром быть благородным человеком». (Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Рылееву, датируемое: «вторая половина июня — август 1825 г.», стр. 218—219 и 408). О том, что «[Тот] наш приятель» — Александр I, разъяснено еще Б. Л. Модзалевским (См. Пушкин. Письма, т. I. М.—Л., 1926, стр. 456).

* Мой друзья по четырнадцатому числу (франц.).

нальные клеветы», — она подчеркивала, что дело идет о вне-литературных взаимоотношениях.

А Вяземскому Пушкин ответил ⁷⁶: «Я послал в *Пчелу*, а не в *Телеграф* мою опечатку, потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавил *журнальным*, а я недаром отозвался *et le diable n'y perd rien*» *

Иначе говоря, Пушкин соглашался с Вяземским, что, пожалуй, осторожность и неплохо было соблюсти, но заявлял, что ему важно было отвести ассоциации названия приятелей-врагов от журналистов и намекнуть, что дело во врагах политических. Важно потому, что поэт считал своим моральным долгом поддерживать будущих декабристов, хоть он и не был членом тайного общества и находился в ссылке в деревне. Он делал то, о чем сказал в годовщину казни декабристов: «Пловцам я пел» («Арион»).

Но все это — косвенные данные, подтверждающие мою мысль о том, что стихотворение «Приателям» написано против политических недругов поэта.

К нашему счастью сохранился и черновик стихотворения. А первоначальный текст Пушкина всегда гораздо конкретнее и ближе к действительности. В нем можно иногда найти прямой повод, вызвавший к жизни поэтическое творение ⁷⁷. При работе над текстом стихотворения поэт постепенно гасил все переходящие, случайные, злободневные мотивы, добивался более обобщенных картин, наряду с этим обостряя точность в передаче своих чувств и мыслей.

Черновой текст стихотворения «Приателям» начинается с совершенно конкретного эпизода:

Враги мои! Довольны ли вы мной,
Один из вас убрался на покой:
< >
Он избежал пронзительных когтей.

Затем поэт написал несколько иначе, сохраняя, однако, ту же мысль:

Враги мои, теперь уж я ни слова
Доволен я, мой старый гнев погас —
Хоть от меня ушел один из вас —
Но не того, так выберу другого.
Что, каковы следы моих когтей,
Смешон ли вам под небом <?> ястреб жа<дный>,
Немедленный, неожиданный, бесп<ощадный>,
И много ль вас еще моих гусей?

⁷⁶ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо от начала июля 1825 года, стр. 186.

* И дьявол ничего от этого не теряет (*франц.*).

⁷⁷ Мне приходилось говорить об этом при публикации первоначальных текстов предисловия к «Путешествию в Арзрум». См. Летописи литературного музея, т. I. «Пушкин». М., 1936, стр. 311—320.

Итак, один из врагов «убрался на покой», «ушел». Какую расшифровку из реальной действительности можем мы предложить к этим образам?

Пока стихотворение датировалось январем 1825 года, оно не поддавалось раскрытию. Когда же датировку удалось исправить и стихотворение оказалось написанным поздним летом 1824 года, то от него потянулись нити к политической жизни страны.

Я полагаю, что в словах «один из вас убрался на покой» идет речь о недавнем смещении Голицына (см. выше, стр. 175—180).

О том же говорится и в словах «Хоть от меня ушел один из вас», смысл которых в том, что писать эпиграмму на государственного деятеля, не занимающего уже видного поста, — праздное занятие. «Мой старый гнев», — это, вероятно, чувство, вызвавшее эпиграмму «На Голицына» или стихотворение «О муза пламенной сатиры!..».

Однако простить общей политики Александра I и членов его правительства Пушкин не может. В любое мгновение новые обстоятельства вызовут и обострение чувств, и сокрушительные эпиграммы против царя и любого из его приспешников:

Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого.

В окончательном тексте стройность мысли и ее выражения доведены до полнейшего совершенства. Поэтическая прелесть стихотворения, в особенности его заключительной картины — ястреб, парящий над гусями — завораживает читателя.

Вот почему, быть может, многими десятилетиями не улавливали исследователи утраченного вместе о современниками поэта понимания направленности острой политической эпиграммы «Прятелям».

4. РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой.
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

См. ниже.

5. ГР. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

Обе эпиграммы датируются предположительно 1822—1824 годами⁷⁸, не ранее 1822-го, потому что Фотий, названный в од-

⁷⁸ См. Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1203—1204. Помещено в отделе «Dubia».

ной из них архимандритом, стал таковым в начале 1822 года. С этого времени его отношения с гр. Орловой-Чесменской стали принимать скандальный характер.

Но, может быть, эпиграммы написаны незадолго до эпиграммы «Полу-фанатик, полу-плут...», когда слава об этой темной фигуре стала особенно громкой.

Полной уверенности в принадлежности обеих приведенных эпиграмм Пушкину нет.

6. НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным,
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых ⁷⁹.

Во имя спасения души архимандрит Фотий носил вериги. А в то же самое время пошел на союз с «чугуевским» «Нероном», лишь бы укрепить свои силы в затеянной им борьбе. Фотий метил на первое место около царя. Ему нужно было любыми средствами оттеснить своего соперника, министра духовных дел и просвещения, князя А. Н. Голицына. Однако Александр I был близок с Голицыным с детских лет и доверял ему безгранично.

Добившись секретной беседы с царем, ловкий монах в течение трех часов обрабатывал мистически настроенного императора, обвинял Голицына в еретическом направлении в делах веры и вышел победителем. Он увидел, что Александр не станет защищать своего друга. И Фотий не остановился даже перед неслыханным шагом. Он предал министра духовных дел анафеме. Это скандальное отлучение от церкви архимандритом было последним ударом Фотия по Голицыну. Вслед за этим Голицын был смещен с поста министра.

Все тайные ходы этой истории и противоречивые черты «полу-фанатика, полу-плута» отражены в эпиграмме Пушкина. Сигналами показаны в ней и нашумевшая анафема («проклятье»), и союз с «притеснителем всей России» Аракчеевым («кнут»), и неуместность полублаженных, придурковатых руководителей в стране («полу-благой»). Эпиграмма датируется 1824 годом, не ранее июня ⁸⁰.

---

⁷⁹ Пушкин, т. II, кн. 1, стр. 499 (в отделе «Dubia»). Здесь не место доказывать, что сомнения в принадлежности эпиграммы Пушкину должны быть отвергнуты. Я предполагаю аргументировать это в другой статье.

⁸⁰ Там же, т. II, кн. 2, стр. 1204 (редактор М. А. Цявловский). Датировка построена на том, что анафему против Голицына Фотий провозгласил после 20 апреля, когда он был принят Александром с секретного входа, а 15 мая Голицын был смещен с министерского поста. Новости эти могли дойти до Одессы, где в это время находился Пушкин, к июню.

фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость * русских писателей для меня непонятна».

8. НА ВОРОНЦОВА

Особенно ненавистен Пушкину был его начальник, англо-зированный чиновник, надменный граф, не гнушающийся торговыми операциями, человек, претендующий на высокую культуру и не узнавший рядом с собою гения, исподтишка добившийся его второй, неизмеримо более тяжелой ссылки. Граф Воронцов получает «неизгладимую печать»:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

В Академическом издании эта эпиграмма датирована «предположительно январем—мартом 1824 г.»⁸². По-видимому, редактор отождествлял ее с теми стихами, которые вызвали ненависть Воронцова к Пушкину и преследование новороссийским генерал-губернатором поэта.

Однако есть некоторые основания для иной датировки написания эпиграммы. Впервые (для нас) появляется она в день окончания «Цыган», то есть 8 или 10 октября 1824 года в письме Пушкина к Вяземскому.

«Каков граф Воронцов?» — спрашивает Пушкин без всякого перехода от предыдущего текста и отвечает:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец⁸³.

Вопрос «Каков Воронцов?» связан, вероятно, с сообщением Пушкина в том же письме, что он из письма дяди знает о приезде к Вяземскому жены. Вернулась она из Одессы, где дружила с Пушкиным и где была свидетелем всей истории высылки Пушкина. Неужели, будь эта эпиграмма написана еще в Одессе, Пушкин не дал бы ее Вере Федоровне для Вяземского?

Он сообщал ей даже случайные пустячки, как например:

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов⁸⁴.

* Подлость здесь в значении лстивости, зайскивания, того, что теперь называют подхалимством.

⁸² Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1137. Редактор М. А. Цявловский.

⁸³ Там же, т. XIII, стр. 111.

⁸⁴ Там же. «На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой», т. II, стр. 455. Принадлежность этой непритязательной эпиграммы (известной в печати с 1899 года) Пушкину доказана Д. Д. Благим в статье «Неизвестный экспромт Пушкина». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 2. М.—Л., 1936, стр. 12—16.

В письме к Вяземскому Пушкин отсылал *первую* редакцию эпиграммы на Воронцова. Он начинал ее текст полемикой с Жуковским: *полу-герой*. Это — возражение одическим строфам, посвященным Воронцову в «Певце во стане русских воинов», где Воронцов назван прямо *героем* *.

Вскоре, однако, Пушкин пользуется выражением уже из окончательного текста эпиграммы на Воронцова (в письме к Жуковскому от 29 ноября 1824 года). Он отказывается признать Воронцова не только *героем*, как назвал его Жуковский, но даже *полу-героем*, как сам назвал его полтора месяца назад.

Тогда, очевидно, казалось ему, что он спустил Воронцова на землю с высот, на которые его возвел Жуковский: *полу-герой*. Однако если прочитать это слово без оглядки на текст Жуковского, то оно звучит не издевательски, а даже, может быть, и положительно: *полу-герой*.

И Пушкин решительно заявляет Жуковскому: «..полу-милорд Воронцов даже не *полу-герой*. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего»⁸⁵.

В окончательной редакции неприглядный образ Воронцова отчеканен как барельефный портрет на бронзовой медали.

Итак, эпиграмма на Воронцова создается, по-видимому, в

---

* Вот этот текст Жуковского:

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась,
Когда полмерть, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренья!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спешите ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

⁸⁵ Пушкин, т. XIII, стр. 124. Курсив мой. — Т. Ц.

Соображениями о полемической связи текста эпиграммы на Воронцова с текстом «Певца во стане русских воинов», равно как и толкованием отказа от выражения «полу-герой» во второй редакции эпиграммы мы обязаны С. М. Бонди.

октябре 1824 года и доводится до совершенства в ноябре. Значит, поэт был занят ею в то самое время, когда он стал на стезю сатирика.

9. «НОЭЛЬ» 1824 ГОДА

Дальше следовал написанный в декабре 1824 года ноэль, от которого не сохранилось ни одного слова. Может быть, к нему относится глухой намек «Песнь младенца»⁸⁶.

Мы знаем прославленный ноэль 1818 года — «Ура! в Россию скачет /Кочующий деспот...», догадываемся о ноэлях 1817 и 1819 годов («Читал свои ноэли Пушкин», — писал сам поэт⁸⁷; «И все его права иль два иль три ноэля», — писал в сатире на Пушкина Аркадий Родзянко⁸⁸).

Но то был юный Пушкин, близкий друг декабристов, ежедневно общавшийся с ними, Пушкин до ссылки.

И вот в декабре 1824 года казалось бы угнетенный второй ссылкой Пушкин вновь сочиняет ноэль, да такой смелости, что задумывается о нависшей над ним угрозой ареста. Имев неосторожность послать эту свою «святочную песенку» с оказией в Петербург и не зная, дошла ли она, Пушкин не без тревоги спрашивает о ней брата, добавляя, что «ничуть не забавно попасть в крепость *pour des chansons* *»⁸⁹.

Очевидно, неустрашимая беспощадность этого выпада против царя (какой другой ноэль мог угрожать поэту крепостью?) была столь откровенной, что рано или поздно сатиру эту пришлось уничтожить.

10. <НА ВОРОНЦОВА>

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вожьд, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

⁸⁶ См. Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы». Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, стр. 376.

⁸⁷ «Евгений Онегин», глава десятая, строфа XV.

⁸⁸ В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 250. Сатира датируется апрелем 1823 года (см. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина, т. I, 1951, стр. 381—382).

* За песенки (*франц.*).

⁸⁹ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к Л. С. Пушкину, датированное: «Около (не позднее) 20 декабря 1824 г.», стр. 130.

В этой выразительнейшей эпиграмме раскрываются две черты Воронцова, которые уже были названы поэтом: бесстыдство («бесстыдно-бледное» лицо) и подлость («ребята подлецы», «полу-подлец»). В отмененных вариантах «усердный льстец» прямо назван пушкинским прозвищем Воронцова — «полу-подлец».

Угодливая фраза усердного льстеца:

Я очень рад...
От одного мерзавца мир избавлен —

о казненном вожде испанской революции вызвала всеобщее замешательство даже в окружении царя. Мимоходом задается тут и Александр I:

Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить — (Курсив мой. — Т. Ц.)

а от него-то можно было, очевидно, ждать поощрения на заискивание угодничающего придворного льстеца.

Но главный удар был направлен именно против низости заискивающего перед царем Воронцова. И поэт дает ему убийственный совет: сохранить и в подлости (в значении угодничания, заискивания) видимость, осанку благородства.

Эти два заключительные стиха вошли в язык и живут в нем до сих пор⁹⁰.

Эпиграмма «Сказали раз царю...» была начата еще в Одессе, в конце мая 1824 года. Тогда были написаны всего три стиха⁹¹. Вернулся Пушкин к этой эпиграмме спустя несколько месяцев, в январе 1825 года, около 25 числа⁹². В этот день поэт писал Вяземскому: «В подлостях нужно некоторое благородство»⁹³. Это был перифраз только что написанных стихов:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости оттенок благородства —

которые увенчали Воронцова в эпиграмме.

Возвращение Пушкина в январе 1825 года к едва начатому и давно брошенному стихотворению со-

---

⁹⁰ Употребляют эти стихи в том тексте, который появился в печати в издании <Н. В. Гербеля> «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». Берлин, 1861:

Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить
И в самой подлости осанку благородства!

⁹¹ См. Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 925 и 1156.

⁹² Н. В. Измайлов датирует второй и третий автографы стихотворения «январем (не позднее 25) 1825 г.» (Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1156).

⁹³ Пушкин, т. XIII, стр. 136.

вершенно естественно объясняется повышением интереса к своим политическим эпиграммам после уговора с Пушкиным о необходимости составления потаенного сборника.

11. «ОН ВЕЖЛИВ БЫЛ В ИНЫХ ПРИХОЖИХ...»

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

Эта эпиграмма на Воронцова, написанная одновременно с предыдущей, среди ее черновиков, конечно, должна была иметь продолжение. Но даже в этом виде она показывает те же черты: — деланную вежливость Воронцова уже при приближении к царю (именно в этом смысл слов «в иных прихожих» — Пушкин часто обозначал царей такими, точно бы ничего не значащими словами: «но с иным накладно вздорить», «некто» и т. д. Да и в каких еще прихожих, кроме царских, мог бывать Воронцов?) и вторую черту — ту, которую Пушкин определил словами «придворный хам». В сущности оба стиха отвечают этой характеристике в письме: «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист»⁹⁴.

12. НА ВОРОНЦОВА

Приведу еще одну эпиграмму на Воронцова, написанную в Одессе в мае—июне 1824 года⁹⁵.

Оговорюсь, что начертания автографа так небрежны, так неясны, что текст двух заключительных стихов гипотетический.

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который <?> был <?> и <?> генерал <?>
И, побожусь <?>, не ниже <?> гра<фа>⁹⁶.

Надо ли напоминать, что в четверостишии Пушкин говорит о своей борьбе с Воронцовым?

13. «ТИМКОВСКИЙ ЦАРСТВОВАЛ — И ВСЕ ТВЕРДИЛИ ВСЛУХ...»

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!⁹⁷

⁹⁴ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 года, стр. 103.

⁹⁵ Там же, т. II, кн. 2, стр. 1138.

⁹⁶ В последнем стихе, в отмену чтения Академического издания (т. II, стр. 318) — «И, побожусь <?>, не про<ще> <?> гр<афа>» — мы возвращаемся к тексту старого Академического издания, который внесен и в «Дополнения и исправления» к Академическому изданию в Справочном томе к нему (М., 1959, стр. 21).

⁹⁷ Пушкин, т. II, стр. 370.

Эпиграмма на трех петербургских цензоров. И. О. Тимковский был цензором с 1804 по 1821 год, А. С. Бируков с 1821 по 1826-й, А. И. Красовский с 1821 по 1828 год.

С того времени, когда Пушкин начал печататься, цензором всех петербургских изданий, в которых он участвовал, с 1815 по 1820 год был безраздельно Тимковский (за исключением одной только книжки журнала 1819 года)⁹⁸; этим и объясняются слова эпиграммы: «Тимковский царствовал».

С 1821 года наряду с Тимковским произведения Пушкина, печатающиеся в Петербурге, подвергаются цензуре Ястребцова и Бирукова, в 1822 и 1823 годах — одного Бирукова, в 1824 и 1825-м — Бирукова и Красовского; в 1826 году — Бирукова и Гаевского; в следующие годы имена цензоров, названных в эпиграмме Пушкина, на книгах с его произведениями не появляются.

О том, как придирчива, притеснительна была цензура, в особенности, в последние годы правления Голицына, широко известно. Жалобы на цензуру можно найти в изобилии в письмах Пушкина, в его дневнике, в стихотворениях, в особенности, в его двух посланиях цензору.

Первое из них (датируемое апрелем — 15 октября 1822 года⁹⁹), как это давно справедливо установлено, обращено к Бирукову. Второе тоже традиционно связывают с Бируковым. Однако в год написания второго послания к цензору (1824) Пушкин постоянно называет рядом двух цензоров: «С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры, — писал Пушкин брату 13 июля 1824 года. — А жаль... la soupe était pleine *. Бируков и Красовский не в терпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться»¹⁰⁰; «...скучно писать про себя ** — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского», — читаем в письме к Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 года¹⁰¹. Именно в эти дни — между 2 и 8 октября 1824 года — создавалось «Второе послание к цензору»¹⁰².

⁹⁸ Смену имен цензоров, дававших разрешение на издания, в которых участвовал Пушкин, можно проследить по книге: Н. Сияновский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1914; изд. 2, 1938.

Мы говорим о дате цензурирования; книги выходили иногда в следующем году, а бывали случаи, что и через календарный год.

⁹⁹ См. Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1119, где дана датировка «апрелем—декабрем 1822 г.». Уточнение вызвано опубликованной впоследствии припиской А. И. Тургенева в письме Греча к Вяземскому от 3 ноября 1822 года из Петербурга: «Уведомь, есть ли у вас послание Пушкина к цензору? Если нет — пришлю». (Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 37).

* Чаша была переполнена (франц.).

¹⁰⁰ Пушкин, т. XIII, стр. 97—98.

** Про себя — здесь в значении «для себя».

¹⁰¹ Пушкин, т. XIII, стр. 111.

¹⁰² Там же, т. II, кн. 2, стр. 1152.

Спрашивая Вяземского, знает ли он его «Второе послание цензору», Пушкин говорит, что он имел в виду «и усмиренья кичливого Красовского»¹⁰³.

Все эти цитаты говорят о том, что образ цензора во «Втором послании» собирателен, и хотя поэт и называет его «мой прежний собеседник», однако не в меньшей мере, чем Бирукова, он имеет в виду Красовского.

Эпиграмма «Тимковский царствовал...» датируется предположительно 1824 годом¹⁰⁴ — годом, когда Пушкину лично пришлось впервые столкнуться с практикой деятельности Красовского, о которой он, конечно, уже был наслышан. Именно Красовский и какие-то его запрещения были, судя по нагнетению в эпиграмме сарказма к его имени, поводом к ее написанию.

14. <НА АЛЕКСАНДРА I>

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

Последние строки эпиграммы, ее *pointe*, острое, привлекали внимание некоторых комментаторов. Однако удовлетворительного объяснения найти не удавалось. Не обращали достаточного внимания на слово *теперь*, эпиграмму не связывали с каким-нибудь конкретным историческим явлением. Характеристике Пушкиным царя как коллежского ассессора (то есть некрупного чиновника) по части иностранных дел противостояла удачливая международная политика Александра I, удачливая с точки зрения целей, которые он ставил перед собой. Один из главных деятелей «Священного союза», Александр имел в империалистических кругах соответствующее мировое признание.

Однако впоследствии сложилась иная ситуация. После Веронского конгресса Александр, воодушевленный успешным вмешательством «Священного союза» во внутренние дела других стран, вознамерился «поручить европейской конференции уладить балканский вопрос, подобно тому как это имело место по отношению к итальянскому и испанскому вопросам, и с октября 1823 года он занялся организацией нового конгресса, который должен был состояться в С.-Петербурге. Проволочки со стороны Меттерниха, надеявшегося,

¹⁰³ Пушкин. т. XIII. Переписка. Письмо к Вяземскому от 25 января 1825 года, стр. 136.

¹⁰⁴ Там же, т. II, кн. 2, стр. 1153.

что египтянам удастся раздавить греков в несколько месяцев, и со стороны Англии, желавшей сохранить полную свободу действий, повели к тому, что совещания могли открыться лишь в феврале 1825 года. Заседания не отличались особой торжественностью, и, за исключением царя, на конференции не присутствовал ни один монарх. Заключительный протокол 7 апреля просто гласил, что к Порте будет обращена просьба добровольно дать своим подданным надлежащее удовлетворение, а в случае ее отказа это сделать, державы предложат свое посредничество. Но не было и речи ни о коллективном выступлении, ни о принудительных мерах для того, чтобы побудить греков и турок подчиниться решениям Европы»¹⁰⁵.

К этому следует добавить, что в русских газетах 1825 года Петербургская конференция не только не освещалась, но даже не упоминалась. Держать в секрете от России международную конференцию, происходившую в ее столице, было, конечно, невозможно. Сведения о ней доходили до русских или из иностранной прессы, или по слухам. И Пушкин не мог не знать, в каком жалком положении очутился в связи с конференцией русский царь.

Эпиграмма Пушкина разила Александра I за полнейшую потерю престижа в вопросах международной политики. Мы полагаем, что она связывается с началом Петербургской конференции, когда оказалось, что русский царь вынужден обсуждать международные вопросы в заседаниях с западными чиновниками. Именно эту ситуацию поэт мог охарактеризовать двестишем:

Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.

Но не исключено и то, что эпиграмма могла быть вызванной бесплодностью конференции, выразившейся в заключительном протоколе.

Если предложенная здесь рабочая гипотеза об условиях возникновения эпиграммы на Александра I найдет поддержа-

---

¹⁰⁵ История XIX века, т. III. Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Перевод с французского. Изд. 2, испр. и доп. Под ред. проф. Е. В. Тарле. М., 1938, стр. 86—87.

Насколько ничтожно было значение Петербургской конференции, можно судить хотя бы по тому, что она обходится не только в дореволюционных исторических трудах по александровскому времени («Русский биографический словарь». Ст. Н. К. Шильдера «Александр I»; его же. «Император Александр I. Его жизнь и царствование»), что можно было бы объяснить нежеланием царских историков обнажать неудачи международной политики императора, но Петербургская конференция не упоминается и в советских изданиях («История дипломатии», «Дипломатический словарь», БСЭ, изд. 1-е и 2-е).

ку у историков, то широкая датировка ее («предположительно 1823 г. — первой половиной 1825 г.»¹⁰⁶) сужается до февраля—мая 1825 года.

15. «ЗАСТУПНИКИ КНУТА И ПЛЕТИ...»

Текст стихотворения так же, как и толкование его, см. выше (стр. 170—171). Датируется оно предположительно 8—13 сентября 1825 года¹⁰⁷. Эпиграмма была вызвана вспышкой «быстрого» гнева на Вяземского и других друзей. Но главный удар был направлен против царя, что ясно из заключительного стиха. Очень допустимо, что Пушкин внес бы и эту эпиграмму в свой нелегальный сборник. Едва ли стал бы его останавливать первый довольно туманный план стихотворения, то есть выпад против Вяземского. Кто, в самом деле, мог знать, что под князьями стихотворения разумеется в первую очередь Вяземский?

Эпиграмма эта своими художественными приемами и направленностью сближается со стихотворением «О муза пламенной сатиры!..».

В эпиграмме «О муза пламенной сатиры!..» поэт вооружается ювеналовым бичом и готовится клеймить неизгладимой печатью и широко-медный лоб, в котором угадывается облик Александра I.

Эпиграмма 1825 года завершается более откровенной угрозой:

Я <?> дам <?> царю <?> мой первый кнут.

Вот какого рода эпиграммы выковывались у Пушкина во время его ссылки.

16. «БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...»

Теперь, наконец, получают свое осмысление и куплеты, высмеивающие плоскость шуток Александра I и непристойность его каламбуров с молодыми девушками.

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем.
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
За два <....>!..
То есть разумею, —
Вдруг примолвил он, —

¹⁰⁶ Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1178.

¹⁰⁷ Там же, стр. 1166.

Пора, наконец, поставить вопрос: да неужели все это было так — просто шалости? или же стрельба дальнего прицела, бескорыстное обращение поэта к потомству? Можно вообразить себе подобного человека — охладевшего, мудрого, говорящего поверх голов своих современников с потомством. Таков пушкинский Пимен. Но Пушкин — не Пимен, в особенности Пушкин 1825 года.

Куплеты эти должны включиться в ряд эпиграмм и сатир, сознательно и планомерно развенчивающих «собственную его величества особу». Они полностью обнажают «широко-медный» лоб императора. Это «приращение к куплетам Эристова», также резко раскрывающим специфичность юмора «венчанного солдата», Пушкин послал Дельвигу в октябре — первой половине ноября 1825 года¹⁰⁹, то есть накануне смерти Александра I.

Это — последняя известная нам эпиграмма на Александра I, написанная при жизни царя. Уже после его смерти созданы эпиграмма «Напрасно видишь тут ошибку...» и бессмертная сатира в десятой главе «Евгения Онегина»:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый шеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...

и т. д.

Мы насчитали шестнадцать политических эпиграмм и сатир, написанных Пушкиным в ссылке, в период с лета 1824 по осень 1825 года. Пушкин называл огромное число — «около пятидесяти»; мы знаем только треть.

Надо поставить вопрос, включал ли Пушкин в это число эпиграммы и сатиры, которые были им написаны в Петербурге, до ссылки. Или же это был для него вчерашний день? Ведь они уже были широко распространены в передовых кругах. Часть из них была известна и правительству — поэт сам исписал целую тетрадь своими политическими эпиграммами, когда в 1820 году он был призван петербургским генерал-губернатором гр. Милорадовичем для допроса о ходящих по рукам его стихотворениях¹¹⁰. Что именно счел возможным написать Пушкин в ответ на требование Милорадовича — неизвестно¹¹¹; одно только несомненно, что он записал ему оду «Воль-

¹⁰⁸ Пушкин, т. II, кн. I, стр. 430.

¹⁰⁹ Там же, т. XIII, стр. 240—241.

¹¹⁰ См. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 210—215.

¹¹¹ Несмотря на тщательные поиски в архивах, тетрадь эта до сих пор не найдена. См. Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». «Пушкин. Исследования и материалы». Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, стр. 377.

ность»¹¹². Можно быть уверенным, что поэт не вручил генерал-губернатору тех ноэлей и эпиграмм, которые были направлены прямо против царя или задевали его косвенно. А дошедшие до нас пушкинские политические сатиры и эпиграммы того времени именно таковы, что передать их в руки правительства значило рисковать не только свободой, но и головой.

Таким образом то, что записал Пушкин в «тетрадь Милорадовича», это не то, чем располагаем мы.

Нам известны следующие нецензурные политические стихотворения Пушкина эпохи до ссылки:

- Сказки. Noël («Ура! в Россию скачет...»)
- На Стурдзу («Холоп венчанного сслдата...»).
- На Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу...»)
- На Аракчеева («В столице он капрал...»)
- «Мы добрых граждан позабавим...»
- На Аракчеева («Всей России притеснитель...»)
- Ты и я («Ты богат, я очень беден...»)*
- Ноэль 1817 года (не дошедший до нас)
- Ноэль 1819 года (также до нас не дошедший).

Итак, если даже мы к эпиграммам эпохи ссылки прибавим эпиграммы периода до ссылки¹¹³, то их максимальное количество составит двадцать пять произведений. И в таком случае мы знаем лишь половину из написанных Пушкиным политических эпиграмм и сатир (к тому же, некоторая часть этих произведений известна нам только по заглавиям).

Если бы до нас дошли все политические эпиграммы поэта, а их не менее пятидесяти, они составили бы великолепнейший сборник — памятник политической литературы преддекабрьской эпохи русской истории, отлитый Пушкиным.

Итак, пребывание Пушкина в ссылке в Михайловском, помимо создания «Бориса Годунова», «Цыган», нескольких глав «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и множества лири-

---

¹¹² «У него требовали его оды и стихов. Он написал их в кабинете Милорадовича», — писал 23 апреля 1820 года Н. И. Тургенев из Петербурга брату С. И. Тургеневу (см. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1, стр. 214).

* Может быть, и эту сатиру на Александра I Пушкин ввел бы в сборник.

¹¹³ Есть и еще одна политическая эпиграмма этого времени — «На Карамзина» («В его Истории изящность, простота...»). Она не была включена в Академическое издание, как не принадлежащая Пушкину. Вопрос был пересмотрен Б. В. Томашевским, который пришел к заключению, что автором этой эпиграммы является Пушкин (см. Б. В. Томашевский. Эпиграммы Пушкина на Карамзина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.—Л., 1956, стр. 208—215). Эпиграмма введена в «Дополнения и исправления» к Академическому изданию, в отдел «Dubia» (см. Справочный том к изданию. М.—Л., 1959, стр. 16).

Однако вводить эпиграмму на Карамзина в сборник политических эпиграмм Пушкин не стал бы — он с юности любил Карамзина как человека и не посягнул бы на их взаимоотношения публично.

ческих стихотворений, оказывается ознаменованным еще одним делом, значение которого трудно переоценить, делом огромной политической важности.

Изолированный от общественной жизни страны, дважды сосланный поэт составляет сборник политических эпиграмм. Делу этому, по всей видимости, способствовало свидание с приехавшим в ссылку декабристом.

Какой же верой в свою правоту надо было гореть, какой силой, твердостью и бесстрашием надо было быть исполненным, чтобы, окруженному зоркими взглядами гласных и негласных полицейских наблюдателей, готовить этот опаснейший сборник!

Теперь раскрывается истинное значение того пафоса в воспевании смелости и мужества, которыми исполнены написанные в это время «Подражания Корану»¹¹⁴.

Понятны становятся и строки Пушкина: «Где у меня сатира? О ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире»¹¹⁵. Пушкин говорит здесь иносказательно о силе своей политической сатиры и об ее воображаемом эффекте на жителей Дворцовой набережной, Зимнего дворца, то есть на Александра I.

Углубляется теперь и подлинный смысл «Андрея Шенье», и вложенных в уста французского поэта слов:

Мой смех, мой ярый смех преследует тебя...

Ясным содержанием наполняются теперь для нас и слова Пушкина о том, что царю «подсвистывал» он «до самого гроба»¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Они датируются концом сентября—ноябрем 1824 года (см. Пушкин, т. II, кн. 2, стр. 1148).

¹¹⁵ Пушкин, т. XIII. Переписка. Письмо к А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 года, стр. 155.

¹¹⁶ Там же. Письмо к Жуковскому от 20-х чисел января 1826 года, стр. 258.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961